

Дмитрий Дубинин

УЗУРПАТОР

НИОТКУДА

Андрей Маскаев

Дмитрий Дубинин

Узурпатор ниоткуда

2012

Дубинин Д.

Узурпатор ниоткуда / Д. Дубинин — 2012 — (Андрей Маскаев)

...Весело горел склад. Вокруг воронки валялись изуродованные взрывом трупы. Медленно оседала красная пыль. Я стоял в центре всего этого, с пустым автоматом в руке, оглохший и ободранный. А самолет улетел... Андрей Маскаев опять без определенных занятий и готов ко всему. Он случайно встречает авиатора Анатолия, старого знакомого по кавказским приключениям, который сейчас работает вторым пилотом в литовской авиакомпании с красивым названием «Аэлитас». Андрей соглашается принять участие в экспедировании грузов по Африке, к тому же и вакансия свободна (позже выясняется, что прежнего экспедитора арестовали в Конго). И вот однажды Маскаев остается наедине с дикой природой Африки и ее дикими обитателями – четвероногими и двуногими. Чтобы выжить, он вынужден идти через джунгли. Впереди у него – знакомство с местными повстанцами, штурм города, романтическая встреча и неожиданный взлет. Но он еще ничего об этом не знает.

Содержание

Часть первая. Слепой крокодил	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	37
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Дубинин Узурпатор ниоткуда

...Многие африканские царьки чрезвычайно ревниво относятся к неприкосновенности своих владений. Не то чтобы они были так уж свирепы и чтобы они вообще отказывались пускать к себе путешественников, но за разрешение пересечь их территорию они требуют плату, и нередко довольно высокую.

Луи Буссенар, «Похитители бриллиантов»

Когда мы позволяем правительствам разваливаться, на их место приходят военные диктаторы, преступники, наркобароны или террористы.

Робин Кук, министр иностранных дел Великобритании

Все совпадения имен и фамилий действующих лиц с именами и фамилиями реальных людей совершенно случайны. Территории под названием «Контвигия» на карте нашего мира не существует, однако у нее имеется вполне реальный географический прототип. Название другой страны сегодня может считаться неактуальным, но автор полагает, что «Заир» и «заирцы» в контексте данной книги будут звучать более адекватно и благозвучно, чем «Демократическая Республика Конго» и «конголезцы».

Часть первая. Слепой крокодил

Глава первая

– Взлетай! – Анатолий напряженно смотрел на фигуры людей в камуфляже, бегущие по кромке летного поля, поросшей бушем.

Ответ командира экипажа состоял сплошь из литовского пятиэтажия. Я понял, что первому пилоту стало по-настоящему страшно. Мне тоже было страшно. Несмотря на китайский «Калашников» образца сорок седьмого года, который я ощутил своей спиной.

– Verdammt Scheisse! У них гранатомет! – закричал штурман, заметивший зловещую трубу в руках у одного из негров. – Шарахнут – и всем капут! Надо остановить двигатели!

Время терять было нельзя.

– Дэйв, я пошел, – спокойно, но громко, чтобы перекрыть шум двигателей, сказал я командиру. – Попробую их придержать. – Затем сорвал автомат с крючка, шагнул к двери и положил руку на рычаг.

– Остановись, Dummerbert! – попытался вразумить меня штурман.

– Только не говори потом, что это я тебя послал! – сказал командир.

Реплику находившегося за его спиной босса я уже не услышал, потому что распахнул дверь, и рев турбин сделал невозможным дальнейшую дискуссию. «Ан-26», наверняка уставший от бесчисленных стартов и приземлений, содрогался, словно страхась очередного подъема с грунтовой полосы, лишенной каких бы то ни было знаков. Впрочем, взлет все еще был под вопросом. Солдаты неизвестной нам армии или боевики не более известной бандитской группировки, похоже, готовились к тому, чтобы не дать самолету уйти.

Двигатели «Антонова» продолжали работать на малом газе. Я выпрыгнул на красно-коричневый грунт, и тут же отбежал в сторону, надеясь за камнями спрятаться от выстрелов. Трудно было не заметить выскочившего из самолета человека с автоматом. Но вооруженные люди пока никаких действий не предпринимали. Они ждали, очевидно, того, что пилоты, поняв, что уйти не удастся, остановят двигатели и сдадутся на милость боевиков... захватчиков? повстанцев?

Лежа за камнями, я думал о сидящем в самолете авантюристе, возмнившем себя самым умным бизнесменом по обе стороны экватора. Робертас Кеженис действительно вздумал делать бизнес в Африке, полагая, что там еще есть где развернуться. Конечно, развернуться здесь можно, но если бы он взялся за что-нибудь другое... А ведь этот деятель вздумал поставить в ЮАР не что-нибудь, а марочные грузинские вина. Неужели не знал наш босс, что южноафриканские вина во всем мире ценятся настолько же выше грузинских, насколько американский пилот зарабатывает больше литовского? И что получилось? Чтобы избежать таможенных проблем, пришлось выгружать это вино чуть ли не в джунглях, а взамен возить головорезов и браконьерскую слоновую кость... Которую еще, чего доброго, придется самим перевозить дальше... И неужели ему не было известно, что экспорт слоновой кости в Европу запрещен, а попытка ее перепродажи – дело уголовно наказуемое? Знал, наверное. Но даже если и не так, его истинные цели так и остались для меня загадкой. И вот теперь, похоже, закономерный результат всех этих авантур – захват воздушного судна... Хорошо, если мы потеряем только потенциальный жирный куш, а ну как если придется оставить в этой земле свои кости?

...Поскольку никаких изменений пока что не происходило, боевики решили действовать дальше. Человек с гранатометом, не очень-то и спеша, выбрался из кустов и стал приближаться к самолету. Зловещую трубу он перебросил за спину, наивно полагая, что сам находится в безопасности.

«Извинятся буду потом», – решил я, плавно нажимая спуск. Короткая очередь заставила негра взмахнуть руками и повалиться ничком на землю.

Впрочем, я был уверен, что промахнулся, потому что взял почти на полметра выше головы этого парня, а стрелять еще не разучился. Или, может быть, стоило бить в упор?..

Из зарослей буша слышались нечеловеческие вопли. Боевики, очевидно, имели приказ до поры до времени не стрелять по самолету, зато по камням, за которыми скрывался я, ударило несколько очередей. Каменное крошево посыпалось мне за шиворот.

Пора было действовать агрессивнее. Превозмогая страх, какого в жизни не испытывал, я на получетвереньках метнулся из-за гряды в сторону, подальше от самолета. Упав прямо на жесткую траву, которой густо порос край летного поля, я дал еще одну очередь поверх основной кучки моих противников. Я еще надеялся, что кто-нибудь из экипажа возьмет второй автомат и даст по этим мерзавцам как следует, пока я прижимаю их к земле.

Но со стороны самолета так никто и не начинал стрельбу. Зато пули боевиков взметнули несколько фонтанчиков пыли неподалеку от меня (хорошо, хоть эти типы стреляют как колхозники), а я тем временем дал третью очередь и, видимо, в кого-то попал, потому что двое, имевшие неосторожность высунуть свои словно начищенные ваксой физиономии из кустов, вмиг завопили дурными голосами и прекратили огонь. Вслед за этим я вознамерился вернуться на позицию за каменной грядой, но даже чуть приподняться теперь было невозможно – остальные боевики не на шутку рассвирепели, и пули начали свистеть уже, наверное, в сантиметре от моей головы.

Видно, боец я еще тот... Ладно. Подождав, когда зловеющая музыка немного стихнет, я по-пластунски пополз к камням. И тут понял, что почти попался. Черные люди уже находились метрах в пятнадцати – они быстренько переместились ближе ко мне и теперь находились за большими деревянными ящиками, составленными около ближайшего сарая, по всем признакам, оборудованного под склад.

Я дал очередь по этим ящикам... Ничего не понимаю, неужели кроме меня, больше никому защищать самолет?! А у меня патроны вот-вот кончатся... Дождавшись, когда чья-то голова высунется из-за края ящика, я снова выстрелил.

И едва не оглох и не ослеп. Вспышка пламени, сопровождающаяся адским грохотом, была мне ответом. Горячая ударная волна подбросила меня не меньше, чем на метр, а мгновение спустя я приложился лицом к земле, причем приложился крепко.

Наверное, несколько минут я пробыл без сознания. Боль во всем теле была ужасной, в глазах словно сыпался песок, а в ушах стоял неприятный звон. Но раз так, я был еще жив, а это сейчас казалось главным.

Что случилось? Подняв голову, я увидел, что от ящиков не осталось ровным счетом ничего, склад всюду пылает, и вроде как больше никто в меня не целится. А самолет... О черт, самолет, взметнув тучу красной пыли, уже катится по грунтовой полосе, причем очень резво набирает скорость! Сволочи!

Я с трудом приподнялся. Заорал вслед самолету. Истратив последние патроны, дал очередь в воздух, почти не слыша выстрелов. Толку-то! «Ан-26» уходил все дальше. Что же случилось? Почему они так поступили?

...Весело горел склад. Вокруг воронки валялись изуродованные взрывом трупы. Медленно оседала красная пыль. Я стоял в центре всего этого, с пустым автоматом в руке, оглохший и ободранный. А самолет улетел.

* * *

– Время менять имена, – сказал я, хлопнув темно-зеленой книжечкой, с изображением вооруженного мечом всадника, о стол.

– Это что? – спросила Таня, взяв ее в руки. И тут же прочла: – «Лиетувос Республика. Пасас». Что это значит, черт возьми?

– На работу устроился, – усмехнулся я. – А поскольку литовцы не берут иностранцев на работу, пришлось мне стать гражданином этой страны...

– Надеюсь, не официально? Как тебя зовут-то теперь?.. «Андриус Маскявичюс». Да-а.

– Все в порядке, – сказал я. Меня в свое время еще и не так звали.

– Сколько платить-то будут?

– Достаточно. Пятьсот долларов зарплата, плюс почти триста полетных.

Про двести, которые летчики называли «гробовыми», я решил умолчать. Про возможные премиальные пока тоже рано было распространяться.

– Опять дома неделями появляться не будешь?

– Где-то так. Двенадцатого числа из Вильнюса пригонят самолет для сибирского филиала, и мы вылетаем на работу. Недели две взлетов и посадок, потом – домой. Неделю гуляем, потом снова в дорогу. И так – целый год. Если не передумаю. Если передумаю, – с меня небольшая неустойка, долларов двести.

Я занизил сумму больше чем вдвое... Да и насчет двух недель несколько погорячился, – фрахт мог затянуться на месяц и более.

– Звучит не очень-то заманчиво, – сказала Таня.

– Да ладно... У нас есть варианты?

– Были же.

– Ага. Восемь тысяч рублей «вчерную» и никаких гарантий.

– Тебе предлагали тринадцать!

– Это в другом месте. Но я опоздал.

«В другом месте» директрисой оказалась моя старая знакомая. Когда мне было двадцать два, а ей тридцать четыре, какое-то время казалось забавным просыпаться вместе, но с тех пор прошло порядочно времени. Посмотрел я, как она сейчас выглядит, выслушал несколько намеков и решил, что пусть на нее поработает кто-нибудь другой. Мне не нужны были подобные приключения. Мне нужна была работа.

Таня пожалала плечами и отправилась на кухню греметь горшками. Я вышел на балкон покурить и, шаря по карманам, наткнулся на свой трудовик.

Действительно забавно, думал я, листая вкладыш к трудовой книжке. Стоит мне куда-то устроиться, как контору тут же начинает лихорадить. Сначала, как водится, начинаются проблемы либо с финансированием, либо с объемом продаж. Потом шеф начинает думать, кого сокращать. Или задерживает зарплату. А вообще похоронил я за свою трудовую деятельность предприятий десять самых разных форм собственности, начиная с большого завода и заканчивая мелким рекламным агентством. Боюсь, что среди потенциальных работодателей я числюсь в «черном списке», иначе, с чего бы после успешного собеседования с персональщиком, – буквально на следующий день звонит от них девочка и тоненьким голоском важно сообщает: мы, типа отдали предпочтение другому человеку.

Или взять мои «дикие» способы заработка. Я мотался «челноком» в Китай, держал точки на барахолке, не говоря уж о том, что мне подворачивались дельца, – спекулировать медью, торговать краденой соляжкой, сдавать американским миссионерам садовые домики под видом коттеджей, в результате чего я влезал в такие авантюры, из которых удивительно как, вообще, живым-то выбрался... И без денег, хотя, казалось бы, вот они, уже сами в карман прыгнули. А что делать? Жить-то надо. Татьяну тоже взять – сколько мы с ней живем, и она подолгу на одной работе не засиживается. Алименты, опять же...

Думать о грустном не хотелось, поэтому я переключился на перспективы. В трудовике моя должность экспедитора в авиакомпании «Аэлитас», что вполне понятно, никак не была отражена, зато в паспорте гражданина Литвы лежал сложенный четверо контракт, составлен-

ный на литовском языке. Дэйв мне его перевел, думаю, не обманул. Ну, что же, год работы в воздухе за хорошие деньги, – не самое паршивое, что можно было себе представить.

Более паршивое я себе представлял, когда, покуривая, сидел в сквере у Оперного и тщетно пытался настроиться на посещение центра занятости, который находился неподалеку. Погода была для июля, мягко говоря, неважной, – дул порывистый ветер, мотающий пыль и тополинный пух, сигарета казалась горькой, денег в кармане брякало всего чуть, мобильник молчал по причине неожиданно опустевшего счета. Финансовые тылы ничем не были прикрыты. Если бы моего дальневосточного друга, с которым мы пережили суший кошмар на Курилах, не задержала береговая охрана в море, когда он вез через пролив Измены наши золотые монеты, жить сейчас было бы существенно проще. А так, по его словам, он лишился большей части золота, а все остальное потратил на лечение жены, которая в противном случае уже отправилась бы на тот свет. Японская медицина, сказал он, творит чудеса, но уж очень дорого она обходится...

Докурив, я уже собрался подниматься, как вдруг рядом на лавочку сел, с только что открытым пивом, смутно знакомый мне мужчина, на вид немногим старше меня.

Елки зеленые! Ведь это же Толя! Летчик Анатолий, который когда-то на «Ан-2» вывез меня с охваченного огнем Кавказа. Изменился мужик! Несмотря на то, что познакомились мы с ним в настоящем бараке для рабов, тогда он выглядел покрепче и помассивнее. Однако, тогда он больше походил на неандертальца, а сейчас рядом со мной находился в меру уважаемый горожанин, правда, не в очень свежей рубашке, да и отросшие черные волосы блестели несколько подозрительно.

Думаю, что с тех пор я и сам немного изменился, но он тоже узнал меня несколько секунд спустя, и потому вопрос, брать еще пива или нет, не вставал ребром. Зато в процессе беседы двух старых знакомых просто не мог не появиться вопрос иного рода:

– Чем занимаешься? – спросил Толя, после того, как сообщил, какими путями он добирался из Ставрополя до Сибири.

– Как тебе сказать? – Я не слишком был расположен к откровениям, потому что не считаю статус безработного таким уж почетным.

– Понял... – Толя хлебнул пива и начал рассказывать:

– Я тоже около года занимался черт знает чем. Малая авиация, сам знаешь, сейчас в глубокой заднице, а в большую меня уже никто не возьмет. Месяца четыре назад подвернулась интересная работенка... Полеты за рубеж. Литовская авиакомпания. Два самолета «Ан-двадцать шесть». Один обычно базируется в Вильнюсе, другой – здесь. Взяли меня вторым пилотом с испытательным. Сделали рейс – предложили контракт.

– Хороший хоть контракт?

– Почти на полторы штуки в месяц.

Я мысленно перевел сумму в рубли и позавидовал. Правда, не вслух. Предложи подобную сумму тогда моя старая (в полном смысле этого слова) приятельница-директриса, глядишь, и показалась бы она мне более привлекательной...

– Баксов? – риторически поинтересовался я.

– Евриков.

Еще не хуже. Но на такие деньги Толя мог и выглядеть бы по-другому. И не шататься по скверу с бутылкой дешевого пива. А пригласить друга куда-нибудь. В кабак, к примеру. Сто лет в ресторане не был, забыл уже, что это такое.

– Но за них вкалывать пришлось, скажу тебе...

– А что так?

– Понимаешь, из этих рейсов есть шанс не вернуться домой.

Я вдруг вспомнил, чем Толя промышлял до нашего знакомства. А промышлял он тем, что возил грузы и пассажиров по заказам чеченских или еще каких-то близких им по духу

сепаратистов. Какого рода были эти грузы и пассажиры, Толя не рассказывал, но я почему-то предполагал, что он вряд ли возил свинину или христианских священников.

– Наверное, возите что-то такое, чем лучше не хвастаться? – прямо спросил я.

– Знаешь, я особо не лезу в это дело. В нашем экипаже был экспедитор, который занимался грузами и строил черных ублюдков, но он не докладывал мне обо всех тонкостях своего дела. Командир знает больше, ну еще представитель хозяина.

– Хозяин – литовец?

– Вроде бы, да. Зовут Робертас. Робертас Кеженис. Редкостная скотина и хамло. Правда, Дэйв уверяет, что не литовец он никакой.

– Дэйв?

– Командир. Первый пилот. Мужик, к слову, отличный. Имя – Давидас Карбаускис, но предпочитает, чтобы его звали Дэйв.

– И как ты только эти имена запоминаешь? – искренне удивился я.

– Когда самого зовут Анатолисом Самайтисом, еще и не то запомнишь, – усмехнулся

Толя.

– Сроду бы не подумал, что ты прибалт, – сказал я, но уже не искренне.

Толя хохотнул.

– Я по паспорту – Анатолий. Фамилия – Самаев. Ну, да ты же помнишь.

– А почему теперь так?

Тут Толя, похоже, подумал, а есть ли смысл выкладывать секреты фирмы постороннему, в сущности, человеку.

– Ну, так в команде принято... Еще по пивку? Я угощаю, Андрюха.

После третьей бутылочки Толя еще немного разговорился. Выяснилось, что работу он нашел не случайно, просто руководству компании каким-то образом стали известны прежние Толины грешки. Нет, никакого шантажа, боже упаси! Видимо, они просто решили, что такой, как Самаев, не будет задавать лишних вопросов, если что и увидит.

Мне стало ясно и направление тех самых зарубежных рейсов, откуда можно не вернуться. Бравые литовцы, оказывается, мотались по Африке. Найроби, Луанда, Браззавиль, Лагос... Толя так и сыпал названиями экзотических столиц. Рассказал он о страшных ливнях, под которыми аэродромы в считанные минуты превращаются в болота. Рассказал о бешеном слоне, выбежавшем из леса на стоянку самолетов и протаранившем один из незастрахованных аппаратов, да так, что командир предпочел сбежать к масаям, чтобы не платить по возвращении домой двести тысяч долларов. Рассказал о партизанах, которые обстреливают ракетами любой пролетающий над джунглями объект, который хоть немного крупнее марабу. Рассказал и о печальной судьбе их экспедитора, который сейчас сидит в тюрьме недалеко от столицы Конго без всякой надежды на освобождение: местные копы поймали его с оружием прямо у трапа самолета незадолго до вылета в обратный путь.

– Это с каким еще оружием? – не сразу понял я. Все-таки это была уже четвертая бутылка. – Полицейские с оружием за вами гонялись?

– Да, надо было им гоняться... Кто-то заметил и донес. Нас эти черные свиньи терпеть не могут. Хотя сами же открыто говорят, что без иностранной авиации давно бы загнулись.

– Так, а что там с оружием-то?

– Ну, как что? Экспедитору бывает необходимо с собой пирипимпим таскать. Мало ли что? Это нам приходится почти безвылазно торчать в самолете, а экспедитор мотается...

– В иностранный город с оружием?

– Я разве сказал «в город»? Э, в город не всегда можно, ты прав... Ладно. Слушай, чертовски рад был тебя увидеть... Может, телефонами обменяемся, вдруг что понадобится? Хочешь, какой-нибудь сувенир из Африки привезу?

Толя начал вставать со скамейки.

– Челюсть Бокассы, – мрачно пошутил я. Пиво не спасало меня от мыслей о завтрашнем дне, а сейчас и думать было нечего о том, чтобы идти на биржу труда.

Толя захохотал. Глядя на него, я тоже немного посмеялся, как вдруг Самаев оборвал смех.

– Челюсть... – повторил он. – Слушай, челюсть, а ведь ты по снабженческой части когда-то суетился?

– Было дело, – согласился я.

– Так что же ты думаешь? Иди к нам?

– Куда «к вам»?

– В нашу фирму. И в нашу команду. Экспедитор нам в любом случае нужен.

– Ты с ума сошел! Кто же меня в Африку-то без намордника пустит?

– Авиакомпания «Аэлитас», – уверенно ответил Толя и снова сел рядом со мной. – А что? Ты парень не промах, я ведь помню тебя по Кавказу...

– Тогда все было иначе, – сказал я.

– Согласен. Но рискнуть за хорошие деньги ты можешь?

– Уголовщиной пахнет, – сказал я. – За что, говоришь, ваш товарищ в Конго срок мотает?

– Зато, брат ты мой, такое повидаешь! Африка, Андрюха, это сказка! Сон наяву!

– На каком языке там говорят, в этой сказке наяву?

– На разных... На Западе – португальский в ходу. Французский. На Востоке – суахили. Да это ерунда, примитивный американский там даже пигмеи знают.

– Ты думаешь, я так уж хорошо знаю примитивный американский? И вообще, странно, что кто-то по своей воле подпишется на подобную работу. Если он не сумасшедший.

– I couldn't be crazy, – вдруг сказал Толя.

– But you became such, – словно бы само собой вырвалось у меня.

Толя снова засмеялся:

– Вот видишь! Нет, ты будешь полным идиотом, если откажешься хотя бы поговорить с Робертасом.

– Ты же сам сказал, что он скотина.

– Но он платит мне. И неплохо. А это, знаешь ли, делает любую скотину похожей на человека.

– Давай твой телефон, черт с тобой! – произнес я, доставая мобильник.

– Забывай, – сказал Толя. А когда я снова убрал трубку в карман, предложил:

– По последней? – И, глядя на мое лицо, на котором, видимо, узрел сомнение, добавил:

– На сегодня.

Глава вторая

Гул самолета стих окончательно, и над аэродромом воцарилась тишина, нарушаемая только треском горящей древесины и воплями какой-то твари в кустах. Аэродромом теперь это место назвать было еще труднее, потому что из наземных сооружений самое большое почти сгорело, а стоящие поодаль постройки, похожие на хибары масаев, на авиационную инфраструктуру, мягко говоря, не тянули. Там, где наш «Антонов» еще совсем недавно стоял, готовясь к взлету, валялось несколько обугленных досок – все, что осталось от ящиков. Динамит там был, что ли? Ближе к горящему складу лежали убиенные. Вот она, экзотика, обещанная мне Толей, черт бы ее драл...

Я рискнул пересечь летное поле, чтобы пошарить в хибарах. До них оказалось значительно дальше, чем это я поначалу предполагал, и когда минут через десять передо мной выросли два довольно больших сооружения, похожие на складские, я уже представлял себе банки с тушенкой и бутылки с минеральной водой.

Замок на сарае, стоящем слева, не поддавался. Я несколько раз вдарил по нему прикладом, но добился лишь того, что наверху что-то треснуло, а потом меня осыпало мусором и здоровенными пауками. Можно было разломать стенку, но на это бы ушло порядочно времени – постройка хоть и создавалась не на века, но была сделана добротнo, а у меня не было никаких инструментов, кроме автомата... Хотя, стоп, у меня вообще ничего больше не было! Даже патронов к этому автомату... И ни капли воды – ведь я даже представить себе не мог, что экипаж самолета способен на подобное коварство!

Действительно, я бы в жизни не подумал, что Дэйв может учинить такую пакость. Пожалуй, только Миколас, да еще, наверное, странный Курт могли сделать что-то подобное. Правда, без разрешения Дэйва самолет ни за что бы не взлетел... Неужели на борту произошло что-то похожее на смену власти?

Думать обо всем этом было нельзя – и без того я чувствовал, что мозг перегревается, а пить хотелось все сильнее. Думать нельзя было и о том, насколько глубока та задница, в которой я сейчас оказался. Не нужно думать и о том, насколько далеко я нахожусь сейчас от дома.

Надо думать только о том, что происходит сейчас со мной здесь – и именно в эту минуту. И что за эту минуту надо сделать.

Замок на двери второго сарая поддался легко, и я вошел внутрь. В сарае стоял джип. Вовсе не «Паджеро» и даже не «Судзуки-Эскудо», а военных обводов открытая машина, довольно древняя и приличных размеров. На тронутой ржавчиной решетке радиатора красовалась трехлучевая звездочка «Мерседеса». Если не ошибаюсь, немцы уже тогда дали подобным машинам название «гелендваген».

Бардачок открылся точно также – только после хорошего удара прикладом по замку. Внутри я обнаружил полевой бинокль и сложенный вчетверо листок бумаги, хорошо потертый и заляпанный. Карта какой-то местности... На сиденье валялась брезентовая сумка, и после проверки содержимого, у меня в руке оказались два ключа на кольце с брелком в виде страшной маски, а также довольно удобный складной нож.

Рядом с рулевой колонкой нашелся замок зажигания. Усевшись на место водителя, я попытался запустить двигатель. Вставил поочередно оба ключа в отверстие замка (второй подошел) и повернул. В моторе что-то щелкнуло. И – будя.

Открыв капот, я осмотрел двигатель. Типичный дизель образца пятидесятых или шестидесятых годов. На вид он казался исправным, хотя и грязным до отвращения. Щуп показал, что уровень масла близок к норме, да и в системе охлаждения обнаружилось достаточно антифриза. Который, возможно, значительно дешевле воды, особенно в полевых условиях. А вот аккумулятор выглядел паршиво... Да уж. Когда кому-то пришлось в голову выстрелить поблизо-

сти, пуля пробила левое переднее крыло и попала в аккумулятор – не меньше половины электролита вытекло и изуродовало металл кузова. Хорошо, если не пострадали детали подвески.

Походило на то, что этот рыдван с того момента так и стоит без движения. А сколько прошло времени? Два дня? Две недели? Между баранкой и приборной панелью обнаружались частые нити паутины, но я уже знал местных пауков – шустрые они.

И с горючим оказалась проблема. В баках машины вряд ли плескалось больше стакана солянки, в чем я убедился, когда снял поочередно обе крышки. Валяющаяся на земляном полу канистра с открытой горловиной не внушала оптимизма. В ней вообще было сухо, как в пустыне Намиб. И содержимое багажника не сильно обнадежило – набор инструмента, запасное колесо и саперная лопатка. И большое паучье гнездо – как же здесь без этого?!

Я поглядел на техническую и прочую утварь, собранную в гараже. Обычные водительские цапки типа запчастей, домкрата и лебедки. На примитивном верстаке стоит некий электрический агрегат, с клеммами под автомобильный аккумулятор, но на зарядное устройство не очень похожий... Электрический двигатель... Индуктор с регулятором оборотов... Трансформатор... И два длинных провода, прикрученные каждый к стальному раздвижному хому, диаметром как раз примерно в толщину лодыжки среднего взрослого человека.

Агрегат почему-то наводил на мысли о машинах, предназначенных для быстрого получения информации путем особо доходчивого убеждения.

Я вышел из сарая. Солнце собиралось закатываться, а в здешних местах вечер очень быстро переходит в ночь. Надо поторапливаться. Тем более что уже смертельно хочется пить...

На трупы смотреть неприятно. Тем более, на трупы людей, убитых лично тобой. И пусть меня жизнь когда-то научила стрелять в людей, привыкнуть к акту убийства, наверное, невозможно. В профессиональные киллеры я, видимо, не гожусь.

Вытряхнув из себя остатки сегодняшнего обеда, я утер физиономию и с большим усилием подошел к очередному мертвецу. У этого на поясе болталась фляжка, а в Африке пригодная для питья вода действительно на вес золота. Я снял наполненную чем-то фляжку с ремня, открутил крышку и осторожно принюхался. Никакого запаха. Я еще более осторожно сделал глоток. Вода, слава тебе, Господи!

Приватизировав запас воды в количестве пяти фляжек, я задумался еще кое о чем. Ведь этих воинов кто-то доставил сюда, к этому аэродрому. Не из-под земли же они вылезли, в конце-то концов...

Мои поиски вероятных транспортных средств ни к чему не привели. Я полчаса блуждал по колючим кустарникам, кормя мух с москитами, и убедился лишь в том, что если боевики не вылезли из-под земли, то их доставили сюда воздушным судном. Которое, выходит, улетело, прежде чем здесь приземлился наш самолет.

А наш самолет, выходит, приземлялся здесь прежде не раз и, наверное, не два... Только меня, как экспедитора, почему-то решили не ставить об этом в известность.

Вернувшись к кромке летного поля, я стал изучать стрелковое оружие, которым эти деятели пытались сделать из Андрея Маскаева решето. Негры воевали автоматами Калашникова образца 47-го года, причем советского производства. Это наводило на определенные размышления, но я сейчас не видел резона вдаваться в политическую историю. Главное – рожки с патронами отлично подходили к моему автомату, сделанному где-то в Китае, а посему я взял себе целый подсумок – четыре магазина, да еще два десятка два патрона россыпью. Автомат оставил свой – пусть китайский, но я чистил его собственноручно и уже успел убедиться, что он не подводит, а где гарантия, что эти черные воевали безотказным оружием? Теперь можно было надеяться на удачный исход возможного нового столкновения.

Вопрос только – с кем? Черт возьми, я даже не знал, в какой стране нахожусь. Конго? Ангола? Заир? Взглянув в сторону быстро опускающегося к горизонту Солнца, я стал прикидывать направление моего возможного движения отсюда.

На западе должно быть побережье Атлантики. Но между ним и мной – несколько сотен километров лесов и болот, если верить словам штурмана. На севере – джунгли, которые я уже не раз мог увидеть в иллюминаторе самолета. Зеленый ад. Зеленые пауки и зеленые мамбы. Восток – глубина континента, саванна. Львы и гиены. Юг – пустыня. Отсутствие воды и выбеленные яростным солнцем кости.

Из четырех зол надо выбирать меньшее. Для меня наименьшим злом казался запад. Но только не сейчас. Только завтра. Идти ночью по африканской земле может только абориген или самоубийца. Ни тем, ни другим я себя не считал. Хотя, наверное, первым шагом к самоубийству было мое посещение новосибирского офиса литовской авиакомпании «Аэлитас».

* * *

Господин Робертас Кеженис выглядел соответственно статусу генерального директора небольшой иностранной компании. Одет он был в серый деловой костюм с галстуком, украшенным рисунком в виде свирепой маски. Возможно, африканской. Светловолосый, чисто выбритый, пахнувший «Хьюго Боссом», говорящий с характерным акцентом, он вовсе не показался мне скотиной или хамом, что бы там ни говорил Толя.

– Так какое вы получили образование? – спросил Кеженис.

– Высшее техническое.

– Какой университет вы окончили?

– Институт водного транспорта.

– А чем занимались после окончания учебного заведения?

Кеженис говорил хоть и с акцентом, но весьма правильно, пожалуй, даже слишком. Словно книгу читал.

Я коротко рассказал о своей трудовой биографии, опустив, разумеется, те эпизоды, о которых работодателю вообще знать не следует.

Кеженис провел рукой по подбородку.

– Значит, вы сейчас ищете работу экспедитора?

– Да.

– А кто порекомендовал вам обратиться в нашу авиакомпанию?

– Анатолий Самаев. – Что за дурацкие вопросы, ведь и так все ясно...

– Вы давно его знаете?

– Лет пять... Может, немного больше.

– Он рассказал вам о некоторых особенностях нашей работы?

– Рассказал.

– Думаю, он рассказал вам не все... – Робертас вышел из-за стола и медленно сделал полукруг вокруг своего рабочего места. – У нас работа достаточно специфическая. Наши самолеты почти все время в воздухе. Вы хорошо переносите длительные перелеты?

– Да, хорошо.

– Самолеты грузовые. Работа предстоит на африканском континенте. Сразу скажу: многое из того, что видят там наши экипажи, не подлежит широкой огласке. Вы меня понимаете?

– Конечно.

– Очень хорошо. Вы знаете, что малейшая неосторожность может закончиться арестом. Власти африканских государств нередко задерживают самолеты. Иногда под арест попадают члены экипажа. Сами понимаете, что вытащить потом человека из африканской тюрьмы – занятие почти безнадежное.

– Я слышал о таких вещах.

– В этом месяце в Конго остался наш экспедитор. В Нигерии арестован экипаж украинского самолета. В Танзании осуждены более чем на десять лет несколько ваших соотечествен-

ников. Это только те факты, которые известны мне точно. На самом деле в Африке пропало очень много европейцев. И не всегда из-за неприятностей с местным законодательством. Террористы. Они называют себя партизанами и повстанцами, но на деле они ничем не отличаются от настоящих террористов. Лишь в Анголе за последние годы было сбито самолетов пятнадцать. Экипажи взяты в плен, и о них ни слуху, ни духу. Я подозреваю, что летчики погибли очень страшной смертью. Местные власти кричат о том, что иностранные компании эксплуатируют воздушные суда, исчерпавшие свой ресурс, а потому террористы ни при чем. Самолеты просто падают, и виноваты в этом якобы их владельцы. А сами африканцы при этом даже не следят за состоянием аэродромов. Диспетчерская служба нормально работает только в странах Южной Африки, но там свои перевозчики. В начале года мы вылетали из Вамбо, это все та же Ангола. Мы-то успели. А следом при взлете рухнул «Ан-12» – ливень размыл полосу.

Мне показалось, что Кеженис пытается попросту меня запугать. И вообще, он не слишком рад тому, что его сотрудники из летного состава сами подыскивают кадры среди своих знакомых. Но ведь мог бы сразу сказать, что не нуждается. Нет, ведь, думает о чем-то своем. Прикидывает, стоит ли и дальше кота за хвост тянуть, или пора перейти к более конкретным словам.

Видимо, директор решился.

– По ряду причин мы не можем взять на работу гражданина Российской Федерации. Вы это понимаете?

– Понимаю. Варианты возможны?

– Да. Мы можем взять на работу гражданина Литвы.

Кеженис сел в свое кресло.

– Кроме того, – продолжил он, – мы бы хотели взять на работу человека, хорошо разбирающегося в номенклатуре грузов, и тарифных руководствах, знающего иностранные языки и могущего принимать решения самостоятельно.

– Такого человека вы видите перед собой, – начал я нахально. – Разве что с языками небольшая проблема – я знаю только английский и очень немного японский.

– Вы жили на Дальнем Востоке? – Робертас немедленно перешел на английский. Поскольку мне доводилось общаться с американцами, то я сразу понял – господин Кеженис говорит на чистом «америкэн инглише».

– Совсем немного, – уклончиво ответил я также по-английски.

– Ну, японский вам не понадобится... – Литовец вернулся к русскому. – Знали бы вы португальский, или, скажем, французский... Хотя, ладно. Объясните теперь, почему вы все-таки пришли к нам?

Похоже, на людей плохо действует атмосфера Африки – Толя уже говорил, что Кеженис не раз и не два лично участвовал в экспедициях, и из каждой последующей возвращался все более сумасшедшим. И после каждого возвращения брался за все более сомнительные сделки. А уж если Толя называет что-то сомнительным, то тут действительно пахнет керосином.

Ладно, вернемся к тому, с чего начался наш разговор...

– Мне нужна работа, – я пожал плечами. – И, знаете, учитывая вполне приличные условия оплаты, я готов заняться *почти* любой деятельностью. А работа экспедитора мне знакома. К тому же в ней нет особых сложностей.

– Сложности есть, – возразил Кеженис. – Хотя бы в том, что практически все полеты связаны с пересечением государственных границ а, следовательно, и таможен. Африканские таможенники – это такие взяточники, каких свет не видел. Зато на груз они почти всегда закрывают глаза, если считают, что ты их не обидел. У авиаторов есть негласный преysкурант таможенных поборов. В какой стране, за какой груз и сколько платить. Если ты недоплатишь – потеряешь массу времени. Если, не дай бог, переплатишь, кто-нибудь другой сделает так, что твой само-

лет останется в Африке навсегда. Шины, например, порежут. Или песок в двигатель засыплот. Дикае там нравы. Причем у всех. Даже у европейцев.

Я понимающе кивнул.

– Полагаю, что вы не всегда принимали сотрудников с опытом работы в тех странах?

– Верно. У меня только командиры и штурманы знают Африку как свои пять пальцев. Остальные набираются опыта в процессе работы. Хорошо. Теперь перейдем к самому деликатному.

Кеженис сообщил мне о том, что я и так уже знал. Мне действительно предстояло стать гражданином Литвы, правда, только на бумаге. Литовский паспорт стоит денег, но такая практика позволяет решить ряд проблем. Во-первых, у литовских авиаторов не такая скверная репутация, как у российских или украинских, во-вторых, имея два паспорта, гораздо проще пересекать границу между Литвой и Россией. Такие хитрости нужны для того, чтобы самолеты в Африку могли вылетать не только из Сибири, но и из Вильнюса. Конечно, все это, мягко говоря, может вызвать вопросы, а чтобы они не возникли, сотрудник не должен кричать на каждом углу об искусственно созданном гражданстве...

Я подумал, что Толя, возможно, получит большой втык за болтовню. Но мне сейчас было не до его проблем. Я ждал, что мне скажет литовец дальше. И дождался.

* * *

С экипажем мне довелось познакомиться уже на следующий день, в гостинице «Октябрьская». В отличие от Толи, который жил у подружки, зарубежные авиаторы сняли там несколько сравнительно недорогих номеров.

Не могу похвастаться богатым опытом общения с иностранцами, но с литовцами я столкнулся впервые. И сразу же понял, что это весьма своеобразные личности. Надо сказать, что из вильнюсского экипажа настоящим литовцем, похоже, был только один летчик, а именно командир, первый пилот, Давидас Карбаускис, откликающийся на имя «Дэйв». Насчет Толи все ясно, а если бортмеханик Миколас Новинкас – литовец, то я – малаец. Он больше походил на потомка негров, или, как их сейчас называют, афроамериканцев, и светлая кожа вряд ли могла ввести меня в заблуждение. Добавьте к этому американский акцент, и перед вами – как есть житель Нью-Йорка. Да и по-русски он говорил хуже всех из присутствующих. Штурманом в этом экипаже был немец. Он не скрывал своей национальности, откликался на имя Курт Фенглер и желчно ругался на обоих языках. Наше пиво у него было «гезёфф» (зато русская водка – «эхт гайль»), а всякие там «арш» и «дрек» обозначали у него все остальное. Внешне он действительно напоминал немца, такого, каких показывали в старых советских фильмах о Великой Отечественной: некрупного, но крепкого, белобрысого и голубоглазого, с тонким, чуть крючковатым носом.

С этим немцем у нас сразу же возникла взаимная неприязнь. После представления он всем своим видом показал, что со мной общаться ему противно. Я не стал навязываться. Мало ли что – мне тоже далеко не все рожи нравятся. Правда, кто из экипажа нравится Фенглеру, я так и не понял, но скоро выяснил, что его тоже недолюбливают, но сильно уважают за мастерство. И еще за то, что он уже выручал экипаж из действительно серьезной опасности. Вот только, по словам Толи, сам Курт этого так до сих пор и не понял. Тупой этот немец, да и пьянь, даром что хороший штурман.

Дэйв – совсем другое дело. Мне приходилось слышать, что прибалты недолюбливают русских, да и русский язык не жалуют, но командир не делал никакой разницы между соотечественниками и иностранцами. Более того, со мной он сразу же заговорил на русском, который был почти безупречным. Словом, Дэйв Карбаускис поглянулся мне как открытый и доброжелательный человек, и я очень хотел, чтобы это не оказалось ошибкой.

Бортмеханик Миколас Новинкас, видимо, по примеру Дэйва, тоже назывался англизированным именем – Майк и держал себя достаточно высокомерно, несмотря на то, что был, не считая меня, самым новым членом экипажа – побывал с Дэйвом, Толей и Куртом пока лишь в одном рейсе. Подобная переделка имени шла ему гораздо больше, чем командиру. На мой относительно невинный вопрос, нет ли у него родственников в Штатах, Майк почему-то окрысился, и теперь в экипаже стало уже два человека, с кем отношения у меня не заладились с первых же минут.

Если бы и Дэйв воспринял меня похожим образом, я, наверное, отказался бы от работы. Пока еще было не поздно.

– Ну что же, знакомство состоялось, – улыбнулся Кеженис. Причем только уголками губ. – Предлагаю отметить прием в нашу команду нового члена экипажа. Как это принято у нас.

– «У нас» – это у кого? – спросил Курт. Естественно, по-русски. Кеженис помрачнел.

– Вы по документам литовец, господин Фенглер, – веско сказал он. – Так же, как и господин Маскявичюс. Поэтому попрошу всех принимать друг друга без оглядки на происхождение. А поскольку господин Маскявичюс не знает литовского, официальным языком в экипаже, как и прежде, будет русский. Кстати, господин Фенглер, вы тоже не знаете литовского. А русский здесь знают все. Насколько мне известно, и у литовцев, и у русских имеется добрая традиция отмечать прием новых сотрудников путем совместной выпивки. Возражения есть?

Возражений не было. Бурного восторга, впрочем, тоже. Я по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

– Тогда есть смысл спуститься в ресторан? – риторически спросил Майк и неожиданно расплылся в улыбке. Я готов был поклясться, что так фальшиво могут улыбаться только американцы.

– Конечно, есть, – подтвердил Кеженис.

– А ничего, что сейчас с нами нет Толи? – спросил Дэйв.

– Это нормально, – за всех ответил Курт, и Майк утвердительно кивнул головой.

Похоже, они нас действительно не любят...

Глава третья

Ночь в «гараже» прошла, против ожиданий, спокойно – я даже сумел выспаться. Несколько раз, правда, просыпался: дважды меня будил доносящийся с места взрыва голодный рев какой-то твари, а потом по моему лицу пробежало крупное членистоногое. Кусаться оно по неизвестной мне причине не стало, но кожа потом долго еще чесалась.

На рассвете я высунулся из «гаража» и осмотрелся. Ландшафт был прежним. Количество боевой и гражданской техники в пределах видимости равнялось нулю, а количество трупов немного уменьшилось. Или мне это показалось?

Но проверять я не стал. Воды и оружия я взял не более чем мог унести на себе, а потому решил дольше не задерживаться на пустынном аэродроме. Позволив солнцу светить мне в затылок, я сделал несколько десятков шагов из предстоящих мне нескольких тысяч.

И уже через пятнадцать минут понял, насколько трудна будет эта авантюра. Несмотря на то, что было еще отнюдь не жарко, пот с меня тек градом, под ноги все время попадались ловушки растительного происхождения, которые крепко обматывали ботинки стеблями и кореньями. Многочисленные ямы, казалось, кто-то выкопал специально, зная, что скоро через лес двинется Андрей Маскаев. Пусть это и не чистой воды джунгли, но через африканский лес идти оказалось раз в двадцать труднее, чем через тайгу. Хаживал я по тайге, было с чем сравнивать.

Словом, спустя полчаса я очень даже озадаченно остановился. Походило, что мои шансы куда-то прийти очень близки к нулю. А даже если я и приду в населенный аборигенами пункт, что они сделают, увидев падающего от усталости европейца? Бананов дадут? Да, а что, собственно, я буду жрать по дороге?

За полчаса я не увидел ни одного животного, которое теоретически можно было бы подстрелить из автомата и потом съесть. Насекомые и паукообразные, надо полагать, не в счет. Во всяком случае, пока.

И пока я еще чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пройти полсотни километров без привала. Но пятьдесят километров – для Африки не расстояние. Кстати, о привалах. Ночевать в этом лесу может оказаться небезопасно.

Но и обратно поворачивать нельзя! Что я там забыл, кроме трупов, склада и машины без топлива? Кстати, о складе – я ведь так и не посмотрел, что в нем находится. Может быть, есть смысл вернуться и дождаться хозяина? А будет ли он в восторге от непрошенного сторожа?

Словом, полдень застал меня уже достаточно далеко от аэродрома. Я снова сделал привал, только теперь уже почти без всякой надежды на дичь. О местной растительной пище я не знал почти ничего, а потому пробовать все подряд плоды и ягоды казалось мне уделом людей с более крепкими животами и нервами.

Мне немного повезло: я обнаружил большой ореховый куст. На ветках непривычного вида растения действительно болтались орехи, видом похожие на большой фундук, вкусом – на желуди. Надеюсь, что поступаю правильно, я собрал все орехи и часть их слопал сразу же. А потом заметил, что облюбованный мной куст – лишь чудом уцелевшая часть большого растительного массива, который кем-то уже был хорошо обломан и объеден. Возможно, не слишком давно.

Как бы в ответ на мой вопрос, откуда-то донесся басовитый трубный звук. Похоже на вопль слона, по крайней мере в детских фильмах прошлого века он звучал именно так.

Кстати, за все время в Африке я так и не увидел вблизи живого слона. Только убитого, к сожалению... Не видел и других толстокожих, за исключением нескольких двуногих. Говорят, по-настоящему дикие животные остались только в Уганде и Танзании, но меня туда пока что не заносило.

Ну, что?.. Рота, подъем!..

Драпать положено в сторону, противоположную источнику подобного шума. Это вовсе не мысль античного мудреца, это я только что вывел новый закон природы. Драпал я минут пять, потом прислушался. К счастью, позади никто не ломал кусты, не сопел и не топал – следовательно, погони нет. Это радовало.

Но одновременно меня вдруг стали терзать смутные сомнения – а не заблудился ли я? Потому что я уже точно знал, что буду возвращаться к аэродрому. Идти невесть куда мне нельзя по той простой причине, что выжить в африканском лесу я не смогу. Но вот вопрос – смогу ли я вернуться обратно?

Задавать вопросы в воздух глупо. Надо идти. Идти обратно.

Пробивающееся сквозь густую листву солнце опять светило немного сзади – после полудня по местному времени я возвращался, вернее, пытался вернуться к аэродрому. Я безумно устал, мне страшно хотелось пить, но к фляжкам пока я запрещал себе прикасаться.

Я шел, время тоже шло. К семи часам вечера я понял, что заблудился окончательно. Куда бы я ни брел, лес везде казался одинаковым: плотная листва, крепкие наземные плети, кучи москитов, пауков, да пару змей еще заметил. Вот тут-то мне и стало страшно – черт возьми, прямо до дрожи в коленях пробрало!

Немного поорал в воздух, кроя на чем свет стоит бросивший меня экипаж. Потом прислушался. Кто-то вдалеке завопил очень похоже, но все же не человеческим голосом.

Быстро садилось солнце. В какую-то минуту его лучи, падая под довольно острым углом, вдруг ярко осветили лесную чащу, и в нескольких шагах от себя я увидел большой темный силуэт.

* * *

Все-таки, ничто так не сближает людей, как выпивка. Уже через полчаса за нашим столиком пусть на время, но исчезло некоторое напряжение.

Татьяна уверяет, что я пью излишне много. Сейчас я старался вести себя скромнее, насколько это было возможно. Пусть и говорят, что иностранцам надо спиртного значительно меньше, чем нашим соотечественникам, но мой опыт свидетельствовал о том, что это, мягко говоря, не совсем так. Вот и сейчас я в этом снова убеждался.

Граммов по двести коньяка уничтожил каждый из нас еще под салат. И это было только начало. Хотя Кеженис в дальнейшем только делал вид, что пьет – но это было понятно, он все же работодатель. Все же в процессе выпивки он заявил, что не видит ничего плохого в том, что пилоты расслабляются подобным образом; летчики, сказал Робертас, как моряки: на работе должны быть собраны и готовы ко всему, а на земле им разрешено все, что только взбредет в голову. Литовцы сдержанно усмехнулись, Курт с энтузиазмом поддакнул. Он быстро пьянел.

Попутно выяснились некоторые подробности относительно господина Фенглера, а именно – каким образом его занесло в Сибирь и на работу в литовскую компанию. Родом Курт был из Восточного Берлина, и по молодости принимал участие в разбиении известной Стены, наивно полагая, что жизнь восточных немцев в одночасье улучшится. Но, как очень скоро убедился, новые власти ФРГ настороженно относились к «осси», особенно к тем, кто учился в Советском Союзе – а Фенглер окончил Актюбинское летное училище. Курт ответил новым властям Германии взаимностью, в знак чего каким-то образом выправил себе направление на работу в Москву. Соотечественники крутили у виска пальцами и, видимо, не зря: Москва на переломе тысячелетий оказалась совсем не похожей на Актюбинск восьмидесятых. Она какое-то время била и швыряла бедного немца, пока Курт не прибил к литовским пилотам и не перебрался в Вильнюс, а оттуда – в Сибирь. В Германию возвращаться он то ли не мог, то ли не хотел, а, может, то и другое вместе. Несмотря на выпитое, он что-то недоговаривал, а под

конец вечеринки окончательно сбился на немецкий. Дэйв постарался взять на себя функции переводчика, но – я заметил – переводил далеко не все, что рассказывал Курт. Сам же Дэйв, обращаясь преимущественно ко мне, намекал на некоторые особенности моей будущей работы и уверял, что главное в ней три вещи – осторожность, осторожность и еще раз осторожность. В противном случае – срок в африканской тюрьме, где год отнимает как минимум десять лет жизни...

Не слишком ли часто мне напоминают о возможности угодить за решетку?

Но этот вопрос я задавать не стал. Мои новые – как их назвать? – сослуживцы захотели узнать о моей трудовой деятельности. Естественно, тут ничего странного не было. Я рассказал им об этапах своего большого пути, следя при этом за тем, чтобы не ляпнуть чего лишнего.

И не ляпал. Я мог позволить себе рассказать о карьере снабженца, которая едва не прервалась на Кавказе в момент обострения тамошней обстановки, мог немного углубиться в воспоминания о работе на речном флоте, где экспедирование груза вменялось мне в обязанность... Но не сказал ни слова о зловещей «заимке» в глухой сибирской тайге, о войсковой части в Ченгире, или о страшном острове близ берегов Японии. Литовцам этого знать не требовалось. Если честно, я и сам о многом бы хотел забыть. Но это, наверное, кому как на роду написано: одному самое опасное приключение – это попасть в вырезатель, а другому выпадает такое, что и пятерым мало не покажется. Вот я к таким «другим» и отношусь...

Тут я заметил, что уже философствую вслух. Причем к моим устным размышлениям прислушивается в основном Майк, к слову, единственный некурящий в нашей компании. И как только он понял, что я обратил на это внимание, то быстро сделал вид, что его гораздо больше интересуют девушки за соседним столиком. Не считая Кежениса, Майк мне показался самым трезвым среди нас.

Я все же был не сильно пьян – по норме номер два (максимум в новой либо незнакомой компании). Есть еще номер один и номер три, но не в них пока дело. Дэйву коньяк шел не на пользу – физиономия его покраснела, опухла, и он тяжело дышал, хотя и дымил сигаретой как паровоз. Курт же набрался здорово: не потому что европеец, а просто не пропускал ни одной. Это я смог заметить.

– Расскажи ему про Африку, Дэйв, – вдруг произнес Фенглер.

– Про Африку? – переспросил командир. – Кое-что мы уже ему рассказали, правда, Андрей?

– Точно, – согласился я.

– Он не все знает, – настаивал Курт. – Он не знает даже, какие там страны.

– И правда, Андрей, – вдруг подал голос Кеженис. – Ведь не слишком хорошо, если ты ничего не знаешь о местах, где придется работать.

– Знаю, – немного обиделся я. – А где в основном придется работать?

– В Танзании, например...

– Столица – Дар-эс-Салам. В Танзании, насколько мне известно, раньше ориентировались на Советский Союз. Там строили социализм и колхозы, а после перестройки в нашей стране ввели у себя рыночную экономику. И вроде как не очень удачно, – сказал я, в первую очередь для литовцев.

Сказал, и стало неловко. Что я хотел доказать?

Робертас пожал плечами.

– А благополучные страны в Африке есть? – спросил Курт.

– Только не говори про ЮАР, – заметил Майк. – Не наша территория.

– Ну, Кения, например. Уганда, – не очень уверенно сказал я.

– Уганда... – почти мечтательно произнес Кеженис. – Самая лучшая страна во всей Африке. И самая чистая. Нетронутая природа... Заповедники с гориллами...

– Девушки со СПИДом, – в тон хозяину продолжил Дэйв. – Есть еще Малави, Ботсвана, Зимбабве – очень благополучные и безопасные страны... Но мы там тоже не работаем. К сожалению.

– Это Зимбабве-то? – удивился Майк. – Не ты ли говорил, что там черный расизм?

– Только по отношению к местным фермерам и бизнесменам, – усмехнулся Дэйв. – На их отстрел выдают негласные лицензии. А на приезжих – табу...

– А куда лучше не соваться? – опять спросил меня Курт. Экзаменатор, черт бы его подрал...

– Я слышал, что полный хаос и нищета остались только в Сомали и Бурунди, – сказал я. – В остальных странах вроде бы более-менее благополучно...

– В Эфиопии страшно, – вздохнул Дэйв. – Такой безнадеги нигде больше не увидишь. Жуткая нищета. Говорят, ООН выделяет каждому жителю пятьдесят долларов в месяц, но доходит только пять. Если по дороге проезжает машина, каждый, кто слышит, бежит к обочине и встает с протянутой рукой.

– В Руанде еще хуже, – возразил Фенглер. Там все скатилось к каменному веку и к дикарям. Экономике нет, транспорта нет...

– Уж где дикость, так это в Заире, – произнес Майк. – Наследники Мобуту и Кабилю рвут друг другу глотки и при этом не платят своим солдатам, а те грабят всех, кто попадется. Да и Судан тоже хорош. Там диктатура и расизм, потому и въезд в страну крайне не рекомендуется.

– Ерунда все это, – сказал Дэйв. – После Эфиопии я как раз проезжал через Судан. Машина ломалась часто, я много раз останавливался, но ничего страшного не заметил.

– Мы забыли Египет и Алжир. И вообще Сахару, – заметил Майк.

– Ты еще в Ливию загляни, – проворчал Курт. Это, Андрей, тоже не наши места, не забивай себе голову... Из того, где мы работаем, хуже Нигерии ничего нет...

– Чем тебе Нигерия не понравилась? – удивился Майк. – Люди вежливые, доброжелательные, не то что ангольцы. Правда, один раз я спросил у местного, попаду ли в центр города, если пойду по этой дороге. Он ответил: да, конечно! Я полчаса брел по жуткой окраине, весь перемазался в помоях, кое-как выбрался. Потом выяснил, что дорога вела в противоположную сторону. Мне случайно повезло встретить этого парня еще раз, так я его хотел стереть в порошок. Спрашиваю: «Ты почему мне сказал, что по этой дороге я попаду в центр?» А тот отвечает так вежливо и невинно: «Извините, сэр, но вы выглядели таким уставшим, и если бы я сказал, что дорога идет не в ту сторону, вы бы очень огорчились, а мне так не хотелось вас огорчать».

– Да брось, это же анекдот, – пробурчал Курт. – Я серьезно. Ты же видел их столицу. В Лагосе десять миллионов жителей, а весь город состоит из огромного моря совершенно одинаковых вонючих лачуг. Доехать никуда невозможно. Есть только маршрутные такси, но ни один шайскерл не знает города и ему приходится говорить, куда сворачивать, а он тычет пальцем то в одну, то в другую сторону и спрашивает: «Sorry, this left or this left?» И при этом несется с такой скоростью, что просто цум котцен...

– Ну и нечего было тебе по городу мотаться... Кого ты там искал?

Немец предпочел уйти от ответа. За столом стали обсуждать нравы тамошнего населения, причем так, что бедным африканцам, наверное, икалось в этот вечер на славу. Летчики убеждали друг друга в том, что уже и так казалось им прописной истиной: негры и арабы безумно ленивы, лживы и опасны. А уж бюрократы, каких ни в одной другой стране мира не найти, включая Россию и Литву, вместе взятые.

Дэйв рассказал о случае, который произошел с ним все в том же путешествии через три страны (какого черта, собственно, он ехал в такую даль на машине? – вдруг подумал я). По словам командира, к нему однажды подошел довольно опрятный молодой человек, который на хорошем английском начал рассказывать, как ему хочется продолжать обучение. Вот только беда – в местном университете так дорого учеба обходится... Негр не хуже цыганки умудрился

заболтать Дэйва, да так, что тот неожиданно для себя самого дал парню целых пятьдесят долларов, а тут откуда ни возьмись полицейский. И спрашивает, с какой, собственно, целью ты, европейская морда, передал деньги сомалийскому террористу? И уже приготовил бумагу, подозрительно похожую на квитанцию – штраф, говорит, плати, тысячу долларов. Дэйв смекнул, что его «разводят», несколько раз предложил «полисмену» убраться ко всем чертям, а когда это не помогло, согласился пройти в участок, несмотря на угрозу немедленного ареста с последующим заключением. «Полисмен», сказав интернациональное «мазафака», тут же испарился.

– Фаулен швайнен, – проворчал Курт, уронив прикуренную сигарету на пол, – фухерн унд каотен...

Немецкая речь и характерная внешность штурмана словно магнитом тянули девушек из-за соседнего столика. Правда, их несколько озадачивали знакомые слова на русском языке, которые немец периодически бросал в адрес аборигенов, когда считал, что германские аналоги не в полной мере отражают черты характера африканцев.

Не знаю, не знаю... Не сталкивался я прежде ни с неграми, ни с арабами. Возможно, к лучшему, если верить летчикам. Но ведь в перспективе и мне предстоит тесное знакомство с тамошними жителями. Правы литовцы или нет, не могу пока утверждать. Но уже сейчас ясно одно – мне придется быть готовым ко многим сюрпризам.

Глава четвертая

Первой мыслью было шархнуться в сторону и снова драпать. Потом подумал – а почему, собственно, я не слышал даже ни малейшего шума со стороны монстра? Никакой носорог, даже если он вдруг научился бы ходить на цыпочках, не мог красться по лесу подобно представителю семейства кошачьих... И вообще, что-то никакого движения не происходит... Дохлый слон? Тогда почему не воняет?

Как воняет туша слона, убитого браконьерами, я уже имел удовольствие обонять. Не приведи господь почуять еще раз хоть что-то подобное!

Не животное это, понял я. И уже без всякого опасения стал приближаться к темному «монстру». Который, как почти сразу выяснилось, обитал в лесу вовсе не в одиночестве.

Более того, когда я поравнялся с этой машиной, то почти сразу же обнаружил дорогу! Вернее, хорошо заросшую травой и молодыми деревьями просеку.

Но дорогу здесь когда-то действительно пытались строить! Во всяком случае, начали расчищать джунгли. А «толстокожим животным» оказался обычный бульдозер-скрепер, старый, ржавый и почти по оси ведущих колес погрузившийся в почву. Чуть поодаль стоял другой бульдозер, поменьше, за ним – грейдер и трелевочная машина. Вся техника оказалась советского производства. Хозяев этой техники, надо думать, поблизости нет и уже очень давно.

Дорогу, безусловно, начинали строить с запада. Со стороны заходящего солнца и шла старая просека. Заросла она действительно сильно, пеший поход по ней почти не отличался бы от передвижения по девственному лесу. Зато вот если бы удалось добраться до «Мерседеса» и завести его...

Стоп! Ведь это, кажется, очень похоже на выход из положения... Если только...

В баке бульдозера позади кабины явно что-то было, судя по звуку. Я добрался до топливпровода и попытался открутить задвижку. Она подалась не сразу, но все же скоро подалась, и запах солянки ударил в нос. Уже неплохо!

Я не был в курсе, насколько велик срок годности у дизельного топлива, тем более местного разлива, но это был, пожалуй, единственный шанс. Разумеется, сдвинуть с места дорожно-строительную технику, ржавевшую под африканскими дождями не один год, я даже и не собирался пробовать. Действовать надо было иначе. Одно вот только беда – вокруг ни одной канистры, ни одного более-менее приемлемого бачка, чтобы таскать на себе. Значит, придется возвращаться. Но это завтра, только завтра. Сегодня я отсюда никуда не двинусь, не заставите!

На ночлег я собрался расположиться именно здесь – при мысли о темном лесу становилось неуютно. Я проверил кабины у всех машин, убедился, что для ночевки лучше всего подходит трелевочник, а заодно разжился зажигающимися спичками, неплохим ножом и пачкой сигарет неизвестной мне марки. Сигареты несчетное число раз отсыревали и высыхали, и курить их было уже невозможно. Пришлось оставить гадкую привычку до лучших времен.

Но плоская бутылка почти не выдохшегося виски в половину пинты, когда-то початая машинистом скрепера, меня обрадовала больше. Словом, когда я укладывался на пружинящее сиденье кабины с надежно закрытыми дверями, то уже почему-то не сомневался в том, что попаду в цивилизованные места не позже, чем через два, максимум три дня.

Думаю, все мои знакомые уверены в том, что я очень уж большой оптимист.

* * *

Первую посадку на африканском континенте я толком не запомнил – то был промежуточный аэродром в Каире. Тут мне делать было особенно нечего, да и Дэйв никого с борта не выпустил, за исключением Анатолия. Ему было поручено сходить за бесплодным спирт-

ным, а заодно уладить дела с заправкой самолета и со службой безопасности полетов, поскольку у ее представителей возникли сомнения в том, сможет ли наш лайнер взлететь еще хотя бы один раз.

Не буду врать насчет технического состояния нашего «Антонова», но воздушное судно было далеко не самым древним из линейки «двадцать шестых». Дэйв и Толя относились к летательному аппарату философски – «только не надо мешать ему лететь». Майк, как я почти сразу понял, был довольно бестолковым бортмехаником; Фенглер соображал в авиационной технике куда больше. Раза три во время полета он задирали свой крючковатый нос, словно бы к чему-то принюхивался, а затем обращался к Дэйву явно с советом, а то и с настоятельной рекомендацией. Причем по-немецки. Дэйв, как я убедился, немецкий понимал отлично, потом звал к себе Майка и что-то орал ему на родном языке, минуя самолетное переговорное устройство. Майк, который явно не знал по-немецки почти ничего, тихонько злился, но шел выполнять поручения командира, касающиеся как раз именно технического обслуживания материальной части.

Еще один длительный перелет – и мы прибыли к месту, где, собственно, и нужно было один груз сдавать, другой – получать. Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Банги, столицы Центральноафриканской республики, получившей известность в широких кругах, скорее всего, благодаря знаменитому Бокассе, президенту и людоеду. Тому самому, у которого на почве хронического пьянства развилась мания величия, и он объявил себя императором, после чего, если я не ошибаюсь, в отношениях между ЦАР и СССР, и без того не слишком теплых, появился политический ледок. А когда диктатор сожрал человек двести студентов и разворовал казну страны, лопнуло терпение и у французов, которые тоже имели на страну свои виды. Причем более традиционно.

На французском общался и Дэйв с наземной службой по радио. Я в очередной раз задал себе вопрос – какого черта меня все-таки взяли на эту работу без знания многих языков, употребляемых на континенте? Или меня на самом деле будут использовать как болвана? Для чего?

... Самолет трянуло. Нас бросило в воздушную яму, потом Дэйв заложил вираж, и в иллюминаторе появилась центральная Африка с птичьего полета. Красноовато-желтая земля, ярко-зеленые развесистые деревья... На хорошей скорости «Антонов» грохнул колесами по взлетно-посадочной полосе и понесся по ней такими скачками, что даже крыльями стал махать, словно гигантский орел. Дэйв тормозил не только двигателями, но и колесами – полоса здесь имела почти критическую длину.

Мы подрулили к месту стоянки, где стоял отчаянно жестикулирующий абориген, и Майк распахнул люк. В самолет ворвался горячий и сырой воздух. К нам подкатила древняя пожарная машина, лихо тормознула у самых лопастей, после чего два дюжих черных парня немедленно развернули рукав и начали заливать водой колеса нашего лайнера. Снизу начал подниматься пар. Пожарные несомненно получали удовольствие от своей работы – они даже приплясывали и широко скалили зубы при этом.

Несмотря на то, что самолеты здесь не в диковинку, на летное поле вылезло человек десять явно праздных зевак. Аэродромные службы здесь словно бы слыхом не слыхивали ни о контртеррористических операциях, ни о металлоискателях, ни о других изобретениях цивилизованного мира. С улицы, минуя маленькое здание аэровокзала, на поле мог пройти любой, какие бы намерения у него ни были.

Следом за пожарной цистерной к самолету подъехал открытый «Лендровер», в котором привезли местного инспектора безопасности полетов – громадного негра свирепого вида со всеми признаками хронического алкогольного отравления. На странном языке, отдаленно похожем на французский, он потребовал у Дэйва полетный журнал, а когда получил требуемое, начал придиричливо его листать. Мне было видно, что журнал велся на английском.

Инспектор хрипло и нудно начал к чему-то придирается. Дэйв терпеливо его выслушал, затем провел в кабину. Оттуда донесся до боли знакомый стеклянный звон, а затем совсем уже не свирепый инспектор вернулся обратно в отсек, таща в одной лапе бутылку с купленным в каирском аэропорту виски, а другой лапой – закинув в карман зеленоватые купюры.

– Выходим, – сказал Дэйв. – Сегодня всем отдыхать. Работать будем завтра. Поэтому сильно не увлекайтесь.

– А таможня? – тихо спросил я, спускаясь вслед за командиром по трапу.

– Пошлина уже оплачена, – усмехнулся Дэйв. – До момента взлета мы на полностью легальном положении.

– Если кто потребует деньги, это жулики, – сказал Толя. – Захотят развести, пугай полицией.

В его сумке заманчиво звякали бутылки.

Дэйв запер двери, бросил хозяйский взгляд на крылатую машину, и мы направились в сторону вокзала. «Лендровер» с инспектором немедленно вернулся, подъехал к нам, и чиновник, ставший очень даже любезным, сообщил, что если мы оставим трап снаружи, ему ночью непременно приделают ноги. Поэтому трап погрузили в машину, туда же посадили Толю, и «Лендровер», подняв тучу пыли, помчался к какому-то барaku близ вокзала.

– Посмотрите на конкурентов, – усмехнувшись, произнес командир.

Но я уже и сам давно приметил готовящийся к полету Як-40 с желто-голубым флажком на хвосте. Украинцы. В самолет, давясь, лезло несколько человек негров, причем каждый пер на себе багаж – в основном фрукты и кур в плетеных клетках. Вопли, ругань... Один чудак притащил на веревке козу. Украинец возле трапа с выражением неимоверной скорби на лице пытался ему объяснить, что с козой он его в самолет не пустит, а тот в ответ брызгал слюной: он, видите ли, летит на свадьбу, а коза – это калым, без которого свадьба может вообще не состояться. И вообще, что за наглость – меня, да еще в моей стране, учит порядкам залетный белый хам...

Пройти мимо было невозможно, и украинский летчик очень обрадовался смене обстановки. Мы быстро познакомились, выяснилось, что явную конкуренцию друг другу составлять не будем, потому что украинцы специализируются на пассажирах. Летчика звали Владом, он рассказал, что они летают по центральной Африке уже полтора года, зарабатывают неважно, но домой даже и не собираются пока. «Завтра вылетаете?.. Жаль, а то мы завтра вернемся, можно было бы погулять и всю эту «Бангуевку» на уши поставить...»

Главная улица «Бангуевки» брала свое начало у аэровокзала и называлась авеню Жискара д'Эстен. Я поразился ровному, почти без кочек и ям покрытию, но мне объяснили, что эта улица – не что иное как бывшая взлетная полоса. В свое время французы построили две таких полосы, но аборигены спустя несколько лет решили, что легко обойдутся одной.

Влад позвонил по мобильнику кому-то из приятелей, и возле стоянки «матату» – местных маршрутных такси – нас встретил украинец на ядовито-зеленого цвета древнем и громадном «Плимуте», наверное, шестидесятых годов выпуска. Водителя, здорово почерневшего под африканским солнцем, звали Сашей Короленко. Он тоже был рад видеть бывших соотечественников по соцлагерю и заявил, что без проблем разместит нас у себя, вернее, в доме, снятом украинской авиакомпанией.

Нас это устраивало как нельзя больше. Скоро появился Толя, мы погрузились в «Плимут» и под радостные вопли местных жителей (они вообще радовались почти всему, что только попадало в их поле зрения), двинули по улице имени французского лидера, поднимая клубы пыли и облака зловонного черного дыма.

На авеню Жискара д'Эстен стоило посмотреть хотя бы раз в жизни – таких улиц я больше не видел нигде. По ее обочинам росли развесистые пальмы, среди них прятались похожие то ли

на сараи, то ли гаражи лачуги, увешанные рекламными щитами популярных сигарет и напитков. Ковбои Мальборо были черны словно ночь, также как и кока-кольные девицы.

Сами же аборигены имели кожу буквально всех негритянских оттенков – от розовато-коричневого до черно-серого. Удивляло, что практически все мужчины напоминали ярких приверженцев бодибилдинга, хотя и вели себя как праздношатающиеся лодыри. Безделье было написано даже на лицах дюжих оборванцев, торгующих вдоль дороги фруктами, сувенирами и всяким хламом. Впрочем, почти каждый из них, едва завидев наш экипаж, расплывался в белозубой улыбке, да принимался что-то счастливо орать, хватая свои цапки и потрясая ими в воздухе.

Все это нетрудно было рассмотреть, поскольку «Плимут» никак не мог разогнаться – старые аэродромные плиты скоро кончились, пошла довольно корявая бетонка, на которой тусовались куры и свиньи, похожие на диких бородавочников – африканских кабанов.

Впрочем, до центра города мы добрались достаточно быстро. Дорога стала чуть лучше, оборванцы исчезли, лачуги уступили место коттеджам и серым бетонным зданиям, насчитывающим по два-три этажа. К одному из них, стоящему метрах в семидесяти от шоссе, после поворота на грунтовку, и подъехал «Плимут».

– Ласкаво просимо до хаты! – провозгласил Саша. Литовцы все поняли, мы начали выгружаться.

«Хата» представляла собой двухэтажный особнячок с тремя офисными помещениями на первом этаже (здесь же в холле был устроен пищеблок), а второй этаж с четырьмя комнатами отвели для жилья. Саша сейчас остался в доме один, поскольку прочие пилоты разлетелись, а два офисных сотрудника свалились с симптомами неизвестной науке лихорадки, и их отправили болеть в какой-то институт в Уганде, финансируемый правительством Британии.

Удобства оказались во дворе, вернее, в очень симпатичном садике с большим бассейном и тропической растительностью. Если бы не насекомые и запах, доносящийся от удобств, лучшего места для отдыха после длительного полета не придумать.

Рядом находился курятник, от которого тоже здорово несло. Какой-то пожилой негр извлек из клетки большую трепыхающуюся курицу, положил ее на колоду и резким движением отсек жертве голову. Потом отпустил бегать. Роняя перья и капли крови, обезглавленная птица, подлетая, пошла нарезать круги по двору – не самое приятное зрелище на свете.

Душевую украинцы тоже организовали во дворе, по образу и подобию таких, что строят на дачах в некоторых странах СНГ.

– Мыла наводите больше, – посоветовал Саша. – Здесь вода такая, что можно легко подцепить шистосоматоз, потом лечиться замаетесь.

Все это прозвучало очень обнадеживающе, но выбора не было – от всех нас и без того уже несло козлом, а впереди еще несколько дней взлетов и посадок... Какая будет вода ТАМ, сейчас трудно было загадывать.

– В бассейне тоже купаться не стоит? – спросил Толя.

Саша криво усмехнулся.

– Там только местным можно.

– В гости к вам приходят, что ли? – удивился я.

Саша ушел от ответа, сменив тему для разговора и пригласив к столу.

В столовой уже орудовал давешний убийца куриц – черный повар в белом фартуке, едва ли не более чистом, чем подобная спецодежда в отечественных столовых.

– Альбер, – представил нам повара Саша. – Между прочим, когда-то работал в английском посольстве. А сейчас обслуживает несколько отелей и контор поблизости. Мастер! И вообще, работяга, что для местных – большая редкость.

– А ну-ка, – загадочно произнес Толя и поставил на стол бутылку виски «Блэк лейбл». Вопреки ожиданию, Саша не проявил большого энтузиазма.

– В Лагосе брали? – спросил он, изучив этикетку.

– Обижаешь! В Каире! – заявил Толя.

Литовцы в подтверждение загудели.

– Ну, это еще куда ни шло... Подождите-ка...

Саша подошел к большому холодильнику со скругленными гранями (настоящий ЗИЛ, чтоб мне провалиться!), извлек оттуда запотевшую бутылку без этикеток.

– Вас ист дас? – поинтересовался Курт.

– Узнаете, – подмигнул нам Саша, открывая емкость.

Мы разлили мутноватую жидкость по стаканам и приготовились выпить «за встречу европейцев на африканской земле». Я хватил немного пойла... Самогон, конечно, но с удивительным вкусом.

– Оу, – произнес Курт одобрительно.

– Банановая водка? – спросил Дэйв.

– Точно. Называется «горилла». Африканская горилка. Сами гоним, сами пьем. А если кто переберет, утром в зеркале вместо себя гориллу видит.

Мы посмеялись, потом отдали должное закуске. Альбер стоговил пару куриц с местными овощами. Сладковато, но мясо отменное, да и соус хорош... Хлеба нет, но украинцы и лепешки из сорго навострились печь сами. Нормально. Могло быть и хуже.

Разговор с еды плавно перетек на беседу о здоровье, вернее, о том, что от него остается у белого человека после хотя бы трех месяцев жизни в Африке. Малярию и расстройство желудка здесь вообще за хворь не считают – так, легкая мигрень с насморком. Опытные «африканеры», жуя курятину, поделились друг с другом рецептами борьбы с поносом и местными паразитами.

После третьей беседа от паразитов перешла к прекрасному полу. Саша охарактеризовал ситуацию с ним как «дюже поганую», поскольку белых женщин в Банги буквально экземпляров сорок, и они все под присмотром. Более-менее доступных среди них не более десятка особей, и здешнее сарафанное радио каждый день передает, сколько дней остается до отъезда кого-либо из присматривающих.

Что касается черных... О, это отдельная песня! Со СПИДом в столице дела обстоят чуть лучше, чем на периферии, но риск подцепить что-нибудь особенно экзотическое все же есть. После того, как четвертая бутылка виски улетела под стол, мы выяснили, почему Саша сначала отмалчивался насчет бассейна. Став откровеннее, он сказал, что на бассейн с некоторых пор наложено табу – там купались местные девушки по вызову... Летчики терпели долго, но однажды, в процессе хорошей выпивки, не удержались, съездили на «Плимуте» в центр за добычей. Одному не повезло – заболел «малиной», его отправили домой. Окончательно выздороветь от этого дела, как выяснилось, невозможно.

Долго ли, коротко ли, но трапеза скоро закончилась. Я слегка осовел, да и не я один. Саша посоветовал нам провести сиесту в доме, и показал, какие комнаты безопасны для жилья – то есть, где надежно заделаны щели и окна, и имеются пологи над кроватями. Нелишняя предосторожность в краях, где не кусаются только бабочки.

В моей комнате, кроме всего прочего, нашелся исправный кондиционер, что было совсем хорошо. Я чувствовал, что спать меня совсем не тянет, и вышел в коридор, чтобы позвать Толю на перекур, да поболтать с соотечественником. Литовцы и немец, конечно, говорят на русском как на родном, украинцы же вообще почти что братья, но...

Однако Толи в комнате не оказалось. Я заподозрил, что по велению желудка ему пришлось отлучиться в район садика-дворика, но искать мне его там не хотелось. Я выкурил сигаретку на лестничной площадке, а потом все же направился подремать – в жарких странах надо уважать местные обычаи, к коим, вне всякого сомнения, относится и послеобеденный пассивный отдых.

Глава пятая

Я проснулся от легкого стука в стекло кабины... Или оттого, что почувствовал сквозь сон чей-то пристальный взгляд. Я не сразу сообразил, где нахожусь – но ясно, не дома. Грубое пружинящее сиденье – на самолет вроде тоже не похоже...

Перед носом торчали ржавые рычаги управления. Все понятно. Кабина брошенного в лесу трелевочного трактора. В африканском, черт бы его драл, лесу.

Лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, светили прямо в лобовые стекла, поэтому я не сразу понял, что за фигура скорчилась на капоте машины.

Но она, видимо, заметила мое движение, придвинулась ближе, и прижала разинутую пасть к стеклу. Обезьяна! Черная шерсть, розоватая морда, большие уши. Похоже, шимпанзе.

Я даже обрадовался и помахал рукой обезьяне. Та немедленно оскалилась и повторила мой жест. А потом пошла впрыскаду скакать по капоту. Мне стало совсем весело. И я понял почему. Потому что если бы вместо шимпанзе с утра пораньше увидел негра с «Калашниковым», веселья могло и не быть...

Ладно, пора вставать и браться за работу... С голодухи об этом думать не очень приятно, но если я буду просто так сидеть и страдать, вон та симпатичная обезьяна скоро сможет поиграть в футбол черепом Андрея Маскаева. Не самый лучший финал для моей африканской эпопеи.

Я выбрался из кабины, немного размялся, пробежавшись вокруг трактора (обезьяна от восторга разразилась писком и уханьем), а потом, не теряя больше времени, отправился на восток. Животное, видя, что я ухожу, жалобно заверещало.

– Ну так пошли! – позвал я. – Эй ты, как там тебя... Жаконя!

Как ни странно, обезьяна приняла подобное обращение, перепрыгнула с капота на ближайшее дерево и не спеша двинула по веткам в ту же сторону, что направлялся я. Забавно. Интересно, этого молодого самца изгнали из стада соплеменники, или он сбежал от человека?

Я толком не знал, по какому принципу организованы обезьяньи сообщества, но этот шимпанзе несомненно был мужского пола. Наверное, все-таки ручной...

Походило на то, что Жаконя знал, куда идти. Время от времени он высовывал морду из зарослей и, жестикулируя, пищал, пока я не менял направление в ту или иную сторону. Тогда шимпанзе вновь скрывался и только легкий шорох в листве указывал на его передвижение.

Однако наш курс по-прежнему лежал на восток. Размышляя о том, куда в конечном итоге приведет меня мой странный проводник, я угодил ногой в яму, и с треском рухнул в кусты. Огромный птицеед, которого я чуть не раздавил головой, в ужасе кинулся прочь.

Чертыхаясь и отряхиваясь, я поднялся. К счастью, обошлось без повреждений. Ступня немного побаливала, и это тревожило.

Примчался Жаконя. Охая и причитая, он сделал пару кругов над моей головой, затем умчался. Не прошло и двух минут, как сверху упала гроздь бананов. Ай да примат!

– Спасибо, малыш! – крикнул я. Обезьяна заверещала, наверное, говорила «пожалуйста».

Бананы оказались слегка недозрелыми. Я посочувствовал своему желудку, который не раз приходил в ужас от африканской еды, но выбирать не приходилось. Я слопал пару плодов, остальные сунул в сумку.

– Ну, пошли дальше! – крикнул я обезьяне, копошившейся где-то над моей головой.

В знак согласия Жаконя пустил струйку (я едва успел отскочить), а потом поскакал по веткам дальше. Да-а, очень своеобразного приятеля я себе тут нашел...

Долго ли, коротко ли, но в самый солнцепек мы добрались до аэродрома – по моим прикидкам, я прошел километров тридцать. Не буду хвастаться, но я понял, что мы скоро придем на место, понял еще где-то за полчаса до прибытия на место. Я заметил в небе трех парящих

птиц, круживших над одним местом, а так кружат только падальщики. Если вспомнить о том, сколько трупов валялось возле летного поля, становилось ясно, что их привлекло.

Когда я вышел из леса на знакомую местность, то убедился, что пиршество еще продолжается. Бинокль помог мне разобраться, что на месте взрыва вертелось пять каких-то животных, похожих на полосатых собак, причем одно из них валялось без движения рядом – наверное, издохло, обожравшись бандюшатины. Два грифа тоже подпрыгивали неподалеку, ссорясь между собой.

Там мне делать было нечего. Меня интересовал только гараж.

Жаконя явно был немного не в себе – он жалобно бормотал, попискивал и прятался за меня. Когда я направился в гараж, он заорал особенно скорбно.

– Ну, чего ты? – спросил я. – Пошли, там никого нет.

С большим недоверием шимпанзе заглянул в дверь, когда я прошел внутрь, к машине. Обезьяна убедилась, что посторонних в гараже действительно нет, но оставалась встревоженной. Ухая и пища, Жаконя влез в машину, прямо на сиденье водителя, вцепился руками в баранку и принялся урчать и раскачиваться. Потом посмотрел на меня, сказал: «бух-бух», а затем истошно заорал и повалился на спину, дрыгая ногами. После чего затих, полежал несколько секунд, вылез на багажник и молча уставился на меня своими умными глазами.

Готов поклясться, что обезьяна изобразила насильственную смерть парня, который когда-то водил этот рыдван.

– Что, стреляли? – спросил я. И, подняв автомат, сделал вид, будто целюсь. – Бух-бух, да? Жаконя заверещал, колотя по железу машины кулаками.

– Это был твой хозяин? – поинтересовался я. – Друг, да? Френд? Ами?

Видимо, шимпанзе меня не понял... Ну, да ладно.

Я достал пару бананов, один подал обезьяне, другой съел сам. Потом открыл капот «Мерседеса» и более внимательно оценил состояние. Работы, конечно, будет...

Прохлаждаться было нельзя. Я подобрал канистру, бросил в сумку несколько инструментов и, позвав Жаконю, снова отправился в путь.

* * *

Под вечер у летчиков возникло неодолимое желание «развлечься» – видимо, вспомнили про слова украинца насчет «поставить Бангуюевку на уши». Саша Короленко оказался более осторожным, чем его коллега: он выслушал возможные варианты развлечений и заявил, что почти все они чреватые интимным знакомством с дубинками местных полицаев. На вопрос, что тут еще можно найти, кроме посиделок в кабаке, Саша предложил для начала экскурсию в экзотику. По его словам, она будет интересной как для впервые прибывших в ЦАР, так и для тех, кому Африка – дом родной... Я и относился к числу новобранцев, но прежде в Банги из нашего экипажа бывали только Дэйв и Курт.

Мы загрузились в «Плимут» и для начала, пока не стемнело, направилась на «хуторок», расположенный на берегу широкой Убанги и называвшийся Бинбо.

«Хуторок» Бинбо, нечто вроде маленького спутника столицы, представлял собой несколько шалашей и глинобитных хижин размером с муравейник с тощими – не чета городским – неграми, копошащимися поблизости. Явно не то место, куда возят туристов, заметил Дэйв.

– Зачем мы сюда приперлись? – проворчал Толя. – Ему хотелось выпить и покуражиться, а не пялиться на олицетворение нищеты. Я тоже был слегка разочарован, потому что ожидал увидеть ловлю крокодилов или еще что-нибудь в этом духе.

– Побачим настоящего колдуна, – сказал Саша. – Мы к нему иногда ходим перед полями, он, если не пьяный, может прогноз дать. Однажды нас спас натуральным образом – сказал, что мы по возвращении должны бояться броненосцев.

– В каком смысле? – не понял Майк.

– Животные такие. Мы думаем, это как они могут нам помешать в полете. Вылетели в Анголу – а там знаете, какие аэродромы. Перед обратной дорогой командир всю ночь потом толком уснуть не мог, поутру пошел посмотреть на летное поле. И ведь точно – там в середине полосы покрытие уже никакое, и как раз броненосцы постарались – вырыли яму. Угоди туда колесо при разгоне – и все.

Мы помолчали. Саша остановил «Плимут» возле одной из лачуг, на вид самую малость приличнее, чем прочие труппы.

– Он на каком языке говорит? – спросил Курт.

– Со мной – на английском. А вообще может по-французски и на суахили.

– Так он образованный, выходит, – заметил Толя.

Саша пожал плечами.

– Увидите, – коротко сказал он. – Ну что, пойдете? Кажется, колдун сегодня трезвый и без денег, значит, работа будет. По доллару с носа – для иностранцев он за меньшие деньги ни черта не скажет.

Доллар за шоу настоящего африканского шамана – куда ни шло. Мы вышли из авто и подоברались к лачуге, из которой тянуло кислым запахом.

Саша три раза похлопал по стенке и произнес нечто, прозвучавшее примерно так:

– Мгетунду сомба котмала гбенде.

Это уже само по себе походило на заклинание, но я все же решил, что он так просит шамана выбраться на свет.

И шаман выбрался. Я опять немного обманулся в ожиданиях – колдун выглядел не более странным, чем любой из здешних обитателей. Довольно крепкий еще старик, черный как уголь, с седыми выющимися патлами. Голый по пояс, босой, но в синих джинсах и с бусами необычного вида на шее.

– Хай, бвана, – сказал он. Дальнейшая беседа пошла на примитивном английском.

– Здравствуй, Мгетунду, – произнес Саша. – Ты можешь сегодня говорить для моих друзей?

Колдун подумал.

– Да, могу, – просто сказал он. – Они тоже летчики?

Слово «летчики» прозвучало примерно как «люди, которые летать на шумный железный лодка с крыльями».

– Да, они завтра улетают в чужую страну.

– Хорошо. Веди их на берег, ты знаешь, куда. Я приду позже.

И старик скрылся в хижине.

– Идемте, – позвал Саша. – Машину можно оставить здесь.

Мы двинулись вниз, к береговым зарослям. Вечерело. Солнце почти заметно для глаз опускалось к горизонту. Со стороны реки послышался громкий плеск.

– Крокодилов там нет? – спросил Толя.

– Говорят, водятся, – спокойно сказал Саша.

– Что это? – я даже остановился. Этот звук ни с чем спутать нельзя – с того берега простучали несколько автоматных очередей.

– Заир, – коротко ответил Дэйв.

– Или, как его сейчас называют, «Демократическая республика Конго», – с ернической интонацией произнес Саша и сплюнул.

– Что-то я запутался... Ведь Конго гораздо южнее, – сказал я.

– Это ты говоришь о Французском Конго, – сказал Курт. – Или о Браззавиле. Там, где Аркашка Лысенко сидит.

– Ну, сейчас там ни одного француза, наверное, не осталось, – заметил Саша. – А веселая страна по ту сторону реки – это бывшее Бельгийское Конго. Долго называлось Заиром... Да и сейчас все больше его так называют, чтобы не путать.

Беседа, мы дошли до места – небольшой поляны со следами костра. До реки отсюда было метров двадцать.

– Местное капище? – спросил Дэйв.

– Ну да, вроде того. Сейчас увидим ритуал вуду, вернее, то, каким он был, пока его не извратили гаитяне.

Послышался легкий шум шагов, и на поляну вышел колдун. Он нес поклажу – две длинные палки за спиной крест-накрест, в одной руке – мятое жестяное ведро, в другой – клетку с живой белой курицей, которая панически квохтала и хлопала крыльями. На ремне джинсов висел длинный нож в петле.

Кое-кто из нас почтительно попятился.

Волшебник описал рукой круг над кострищем и слегка махнул ладонью. Глядя на Сашу, мы, кто как, уселись на землю, покрытую жесткой травой. Колдун вытащил из-за спины обе палки, воткнул их в грунт, черными набалдашниками кверху. Щелкнула зажигалка, и вспыхнули факелы – более ярко, нежели обычные смоляные. Донесся странный запах, слегка похожий на жженую курительную коноплю. Колдун сел на корточки, закатил глаза и несколько раз громко промычал. Мне показалось, что пламя факелов задрожало. Судя по тому, как тревожно завозились литовцы, это показалось не мне одному.

Видимо, к ритуалу все было готово. Старик вынул из ведра большой кусок грубой белой ткани, расстелил его на земле, вывалил из того же ведра несколько плоских камней, затем расположил их в порядке, ведомом только ему одному. Снял свои бусы, которые оказались скелетом змеи, кусающей себя за хвост, и тоже бросил на ткань. Теперь очередь была за жертвой.

Курица истошно завопила, когда Мгетунду принялся извлекать ее из клетки, но короткий взмах ножом – и птица, потеряв голову, замолчала, однако тотчас же судорожно захлопала крыльями. Колдун, бормоча свои заклинания, принялся сливать кровь в ведро. Потом отрубил курице лапы, отложил тушку в сторону, а лапы принялся макать в ведро и разбрызгивать ими кровь по холсту, попутно затянув хриплым голосом то ли песню, то ли языческую молитву...

Мы внимали. Я хотел, чтоб этот обряд закончился поскорее, и насколько это возможно, благополучно. Но пока никаких оснований для тревоги не было.

Между тем солнце закатилось окончательно, и поляну освещал только свет факелов, горящих за спиной колдуна, чье лицо теперь казалось просто черно-серым пятном. И даже звуки песнопения словно бы слышались не из его рта, а откуда-то не то из леса, не то с реки, как будто подали голос невообразимо древние духи Африки.

Колдун замолчал, подобрал змеиный скелет, освободил хвост из пасти. Позвонки закачались в руке негра, череп заходил ходуном, словно бы мертвая змея стала жить своей странной жизнью. Наконец змеиный череп замер, глядя на Толю.

– You! – крикнул колдун и бросил скелет на ткань. Водя пальцем по камням и кровавым пятнам, на которые упала змея, заговорил глухим хриплым голосом: – Ты! Ты горный поток. Поток течет, точит камни, камни заваливают поток. Ты любишь жизнь, но жизнь не любит тебя. Берегись.

– Начало хорошее, – пробормотал Толя.

Колдун подобрал скелет и снова принялся раскачивать его в руке. Череп устоялся на Курта. Колдун бросил косточки и опять взялся за изучение.

– Ты! – заговорил Мгетунду. – Ты дерево, вырванное с корнями. Твои корни не могут тебя напоить, тебя сушит чужое солнце. Вернись туда, где ты вырос, иначе жизнь от тебя отвернется. Берегись.

– Что-то я давно таких зловещих пророчеств не слышал, – сказал Саша. Тут подошла и его очередь.

– Ты! Ты быстроногая зебра. Ты станешь больше. Но в твоём доме живет бешеный слон, пришедший из чужого леса. Прогони слона, убей его, очисти дом. Не бойся никого и ничего.

– На твоём месте я бы проверил, что творится у тебя в Днепропетровске, – шепнул Толя. Саша только покачал головой. Гнетущее впечатление нарастало над поляной. И тут змея посмотрела на меня – мне почудилось, что это вовсе не скелет, а живая змея с немигающими глазами и трепещущим раздвоенным языком. Но косточки упали вниз, и наваждение исчезло.

– Ты! – услышал я. – Ты слепой крокодил у водоёма. Ты возьмешь добычу, но ты ее не увидишь. Ты не знаешь пути, но ты станешь очень большим. Тебе нужны глаза, иначе ты потеряешь ноги. Берегись.

Не слишком понятно, и не слишком приятно. Но все же лучше, чем у некоторых.

– Ты! – колдун добрался до командира. – Ты парящий гриф. Ты возьмешь добычу, но она будет очень тяжелой. Твое место в поле, а не в лесу. Берегись гиены. Будь осторожен.

Дэйв даже усмехнулся. Действительно – любому летчику коммерческой авиации подошло бы такое пророчество.

Остался Майк. Змея никак не хотела смотреть на него, дергалась в руке колдуна, дрожала, извивалась... Прошла минута, другая... Никому из нас так долго не приходилось ждать. Наконец Мгетунду со стоном швырнул скелет... И замолчал.

Но и без того было видно, что ожерелье легло так аккуратно, что не задело ни одного камня, ни одного пятна куриной крови.

– Мамба не скажет тебе ничего, – подытожил колдун. – Она не видит тебя. Ты – никто. Уходи.

* * *

Кому как, но мне после обряда вуду доктор прописывал принимать спиртное. Видимо, ребятам из Вильнюса было прописано то же самое, да и днепропетровские доктора не слишком отличаются от своих коллег из других стран.

В темноте мы вернулись в центр Банги и начали рейд по местным забегаловкам.

Черные братья, едва завидев наше появление в ресторане «Жюстин», как-то сразу насторожились. Саша объяснил, что дело вовсе не в расизме, а просто летчиков из бывшего Союза здесь узнают сразу, и ждут от них всяких идиотских выходов по пьяному делу.

Здесь все было весьма дешево, начиная от виски и заканчивая проститутками. Правда, последнее блюдо меня не соблазнило ни в коей мере. Я не спрашивал у Саши, что такое «малина», но воображение подсказало.

Зато, что касается съестного – все было очень вкусно и, похоже, франкоговорящие повара сами хорошо представляли то, что готовили. Французская кухня – не самая ужасная на свете, даже в африканском исполнении. Но черные официантки были не слишком любезны – мне они чем-то напомнили наших буфетчиц. Побалагурив с одной из них, Дэйв рассказал нам о ресторанном сервисе в Замбии. По его словам, один тамошний израильтянин невразумительного происхождения из числа аэродромной obsługi пригласил его прежний экипаж в один из популярных кабаков Лусаки.

– Мы пришли, – говорил командир, – там давка, приличные места все заняты, только один столик – между окнами с кондиционерами и фонтаном пустует, на нем табличка – «зарезервирован». Израильтянин плюхается за него, приглашает остальных, но тут подлетает офи-

циантка и вежливо просит освободить места. Как этот парень начал орать! В других местах жарко, публика противная, кабак – дрянь, и вообще он сейчас сообщит об этом безобразии на радио и ТВ. И что бы вы думали? Девушка улыбается, рассыпается в извинениях, и позволяет нам расслабиться всю ночь, причем компания обслуживалась в первую очередь и даже без обсчета. На следующий день – картина точно та же. Пришли, плюхнулись, невзирая на табличку, выслушали вопли израильянина, извинения официантки, затем получили сервис. Приходим на третий день – кабак не узнать. Сколько столиков они могли втиснуть между фон-таном и окном, столько и втиснули – выбирай не хочу. Мы сели, ждем. Ждали, наверное, полчаса. Этот парень начал орать, никто его не слышит. Пришла толстая вонючая негритоска, толстокожая как бегемот. Еще через полчаса притащила заказ. От еды воняло еще хуже, чем от официантки, виски пить было невозможно. Наш парень пошел на разборки и исчез. Нет его час, два. Мы, что могли, съели и выпили, пошли его искать. Нигде нет, и все тут. Никто его не видел, никто ничего не знает. Нам с утра в рейс. По возвращении встречаю его в аэропорту – жив-здоров, катает по полю трапы. Привет, говорю. Тот – привет, и уходит. Узнаешь? – спрашиваю. Тот отвечает: нет, и чуть не бегом со своим трапом от меня.

– Африка опасна, – процитировал Толя кого-то из классиков.

– Похожий случай был в Кении, – сказал Майк. – Только с туристами из России. Те тоже нагло себя вели, но швыряли столько денег, что хозяева позволяли им третировать персонал как только им вздумается. Потом русские отправились на сафари в саванну и не вернулись.

– Вранье, – вмешался Саша. – С туристами так ни в одной стране мира не поступят. И вообще это было не в Кении, а в Уганде. И не на сафари «новые русские» поехали, а на рафтинг – по горной реке сплавиться. Все вернулись, только почему-то о впечатлениях никому не рассказывали, только молча пьянствовали. Видимо, негры показали им какой-то особенный экстрим...

Виски здесь, на мой взгляд, было отвратным. Независимо от того, что бы мы не выбрали – скотч, бурбон или «Тичерз» – на вкус все одно и то же – неочищенный самогон.

Саша сказал, что есть места, где выпивка лучше. Мы спросили, где именно, и Саша ответил. Название было для русского уха совершенно нецензурным, но его понял даже Курт. Однако по-настоящему заведение, куда мы перекочевали из «Жюстина», называлось «Пис д'О». Это был смешанный вариант бара, дискотеки, казино и гостиницы из числа тех, где сдают номера по часам. Все мы уже были на взводе, но я скоро пожалел, что нас сюда принесло. Выпивать и вести беседу было невозможно – из колонок неслась «клубная» музыка, под которую плясали черные девчонки, а там, где было тише, резались в карты черные парни с бандитскими замашками. Готов поклясться, что у некоторых из парней под жилетками скрывались серьезные пушки.

Кроме карт, здесь можно было сгонять партию в бильярд, но столы для пула, как я убедился, стояли в душном зале в первую очередь для того, чтобы молодым негритянкам можно было выставлять свои особенности в наиболее выигрышном ракурсе, а также хватать игроков за выступающие части тела. Местные красотки, едва заметив наш интерес, тут же принялись нахально вешаться на нас.

Одна из них, выбравшая своей жертвой меня, заявила, что она – не проститутка, а студентка, и потому готова обслужить меня бесплатно. А если мне понравится, до двух свиней и десятка кур ее папаше будет достаточно, чтобы стать моим тестем...

Мне повезло, что я сидел в углу, зажатый между столиком и стойкой бара, а потому мог общаться с прелестницей на расстоянии. Дэйву и Майку повезло меньше. Девушки в коротких юбочках уже сидели у них на коленях, обнимали пилотов за шею, терлись и ерзали, что-то жарко шепча. Вид у литовских летчиков был несчастный – им и хотелось, и могло бы, но...

От черных красавиц здорово несло луком и лежалыми кокосами. Наверное, и про СПИД никто из нас не забывал. Отмахиваться от негритянок было сложно, к тому же ставший совсем

угрюмым после гадания Курт нажрался до чертиков и все норовил сползти под стол. Приходилось следить и за ним. И за картежниками с подозрительными физиономиями – что-то зачистили они к стойке бара, все дольше задерживаясь возле нашего столика.

Словом, вечер не очень удался. Я, хоть и не был пьян, но пить здешнее пойло больше не мог: при виде и запахе этого так называемого «виски» ужин начинал бунтовать – в «Пис д’О» выпивка оказалась ничуть не лучше, чем в «Жюстине». Я тоже сделал вид, что засыпаю. Толя несколько раз пытался меня вразумить, говоря, что негоже позорить отечество, но мне было плевать.

Отбив последние атаки негритянок, мы потащились к машине. Конечно, какой-нибудь рьяный полицейский запросто мог бы выписать штраф за управление в пьяном виде, либо посадить водителя в участок, тем более что никакого водительского удостоверения у Саши отродясь не было. Да еще здесь хорошо помнили одного украинского «аса», который, напившись, трижды сносил своей тачкой какой-то монумент в центре Банги, за что этого парня объявили в стране персоной нон грата.

Но до дома мы добрались без происшествий, Дэйв и Майк вынесли уставшего Курта, меня до комнаты доволоч Толя. Я, прикидываясь более пьяным, чем был на самом деле, все же уговорил приятеля дать мне возможность расположиться на ночлег самостоятельно.

Расположиться-то я расположился, но в животе и в голове было мерзко. Я опасался того, что придется либо топтать в садик к «удобствам», либо отрывать противомоскитную сетку и высовывать голову в окно, выходящее на задний двор. Сон не шел, но при мысли о сигарете замутило еще сильнее.

Нет, выходить боязно. Садик хорош, но в нем водятся пресмыкающиеся и паукообразные. Ладно. Я поднялся, выбрался из-под марлевого полога и подковылял к окну. Некоторое время разбирался, как они тут открываются, пока не дошло, что раму надо сдвигать вверх. Верещание сверчков и цикад стало громче, потянуло запахом дерьма и влажной листвы...

– И зачем тебе это понадобилось? – послышался вопрос на русском языке, почти лишенном акцента. Голос принадлежал почти абсолютно трезвому человеку.

– Мне стало непонятно, зачем такие секреты, командир, – раздался ответ также на русском. Он прозвучал без всякого акцента, хотя и чуть менее трезвым тоном. – Я не понимаю, почему этот так называемый боргмеханик прикидывается пьяным, а когда все отдыхают, шляется по сомнительным конторам, торгующим не только неграми, но и белыми...

– Тише ты... Понятно. Вот видишь – ты тоже понял, что дело нечисто, значит, нам надо будет держаться вместе. Мне уже давно понятно, что босс и Майк заодно, и что он не просто так поехал на улицу Реюньон... Надеюсь, что он тебя там не увидел?

– Думаю, что нет. Я даже возле окна кое-что услышать умудрился. Речь шла о Рuzдане и оружии. И о том, что Роб хочет в следующий рейс навязаться лететь с нами. Интересно, зачем?

Я затаил дыхание. Тошнота отступила. Дэйв и Толя вели беседу. Похоже, командир был почти совершенно трезв. Да и Толя не сказать, что сильно набрался. Майк, наверное, тоже не стал бы много пить. Вот это здорово! Каждый член экипажа корчил шута перед коллегами, представляясь куда более пьяным, нежели на самом деле. За исключением штурмана, надо полагать.

– Ну, я это знаю. Он сказал, что закупил грузинские вина на экспорт.

– На экспорт? Сюда? В центр Африки? Да кому тут грузинское вино-то нужно?

– Да не сюда... В том-то и дело. Он нашел какого-то парня из ЮАР...

– И он рассчитывает их продать?! Оптимист...

– Точно. А взамен получит несколько ящиков слоновой кости. Французы, по его словам, уже на стенку лезут в ожидании...

– Это же запрещено...

– И это я знаю. Кстати, уж не под эту ли кость он нанял твоего приятеля? Да и ты хорош. Знаешь ведь, что у нас за фирма. Одни висельники. Боюсь, оказал ты Андрею, как это по-русски... Медвежью услугу.

Толя промолчал.

– Этот шаман меня напугал, – произнес после паузы Дэйв. – Саша сказал, что очень плохие прогнозы для всех. Даже для меня. Нет, я понимаю, что глупо верить колдунам, но...

– А что значит «слепой крокодил»?

– Точно не знаю. В Конго так называют преступников, используемых вслепую, в том числе наемных убийц, – задумчиво сказал Дэйв. – Но Андрея бы на эту роль Роб не взял. Неужели он взвалит на него слоновую кость? Если так, то парень крупно рискует.

– А я все-таки сомневаюсь. Ведь кость – это наверняка не конечная цель.

– Да, нашего босса интересует что-то другое... И даже не только деньги от французов... Что ты еще узнал?

– Майк говорил о том, что в самолете должны разместиться сто человек. Но о ком шла речь, непонятно.

– Это тебе непонятно, с твоим-то опытом? – Дэйв невесело рассмеялся. – Сотня головорезов. И притом, будь уверен, с оружием.

– Так... Получается, что наш босс собрался с кем-то воевать?

– Вряд ли. Но оказывать поддержку, видимо, собрался.

– За малые деньги он на это не пойдет...

– Значит, ему обещали большие деньги, – сказал Дэйв. – Или, что еще хуже, дело в политике. Роб и Майк на кого-то работают. Да и не литовцы они никакие.

– Трудно сказать точно... Но видно, что Кеженис – просто жадная до бабок акула. Зато Майк – лошадка темная, согласен... Вот он, наверное, и собрался с кем-то воевать... Уж не в Руздане ли? Что тут кроме нее поблизости, где еще есть что делить?

– Да почти половина Африки может считаться неподделенной... Рядом Заир и Ангола, а здесь все что угодно может случиться. Тем более, тут все похоже на правду – сейчас из-за Контвигии обстановка опять обострилась.

– Неужели наша миссия будет связана с Контвигией? Роб – дурак, если считает, что Руздана – это деревня с десятком лачуг. Этот форт еще португальцы строили. Настоящий бастион.

– Роб – не дурак, – возразил Дэйв. – Он действительно жаден, но не глуп.

– Не глуп? А вино в Африку возить – не глупо? А слоновую кость в Европу?

– Ладно, нет смысла гадать. Я нанял в Вильнюсе опытного человека, возможно, скоро будем знать больше. И если ты что-то неожиданно узнаешь, тоже говори... Может быть, еще кого-нибудь в компанию взять?

– И кого же?

– Курту, похоже, плевать на все. А что твой Андрей? Может, действительно ввести его в курс дела? А? Как ты на это смотришь?

– Я против.

– Знают трое – знает свинья? Ты это имеешь в виду?

– Не в этом дело, мужик-то он отличный... Но лучше повременить. Единственное, что надо будет сделать, это предупредить его, если вдруг станет ясно, что его захотят подставить... Я, наверное, действительно сглупил, пригласив его в «Аэлитас». Надо подумать, в какой момент Андрей может оказаться лишним, и предупредить его.

– В один прекрасный момент мы все можем оказаться лишними – сказал Дэйв.

– У нас есть выход?

– Сейчас нет. Контракт относительно безболезненно могут расторгнуть только Андрей и Курт. Но Курт – тупица. А нам с тобой сам знаешь куда дорога, если мы захотим уволиться...

– Да знаю... Черт бы побрал их всех. Террористы поганые. Но они платят!..

Собеседники помолчали, обдумывая явно непростую перспективу. А я, переваривая неожиданно свалившуюся информацию, совсем протрезвел. Выходит, из меня действительно опять – какой уже раз в моей жизни! – кто-то хочет сделать «слепого крокодила». Кто-то надеется, что я загребу для него жар моими руками. . .

– Ладно. Вот что я думаю, – заговорил Дэйв. – В следующий полет с нами должен отправиться Роб. Это значит, что вся работа будет контролироваться им лично.

– Логично.

– Роберту придется буквально руками проталкивать свое вино. Ведь по воздуху его в ЮАР отправить не получится.

– Помимо таможен?

– Конечно. Это же махровая контрабанда. Значит, придется сделать посадку в Луанде, как это другие обычно делают. Оттуда вино повезут в Кейптаун морем, но встанут где-то на рейде. Там местные пираты все заберут. А мы, видимо, сделаем прыжок за слоновой костью, упрям ее в Европу, и если все окажется о кей, вернемся в Африку за пассажирами.

– Похоже на то. А в какой момент может быть подставлен Андрей?

– Возможно, он не увидит слоновую кость. Не увидит и Францию. Зато побывает в Кейптауне. И при таком раскладе ему тоже хватит работы. Пока мы будем мотаться в Европу, он окажется у берегов ЮАР, сгрузит вино и отправится обратно в Луанду, где мы его и заберем. Потом вернемся в Вильнюс, тебя с Андреем отправим в Сибирь, и вы снова начинаете искать работу.

– Значит, подставы не будет. Это хорошо. Тогда я не вижу смысла в том, чтобы Андрей узнал про все наши делишки.

– Действительно. Он еще не увяз в этом дерьме. И пассажиров, кто бы они не оказались, он тоже не увидит. Ты прав. Будем молчать. Ни к чему ему все это.

Глава шестая

Не успели мы отойти от гаража и полусотни метров по знакомой дороге, как вдруг Жаконя забеспокоился. По пути сюда на этом самом месте он тоже суетился, но не так сильно. Сейчас же он был словно одержим мыслью что-то отыскать. Уж не машина ли так на него подействовала?

Ну ладно. Я присел на канистру и стал смотреть, как обезьяна мечется по земле и нижним веткам деревьев в поисках чего-то, мне неизвестного. Ладно, пусть побегает... Только не слишком долго. А то ведь идти надо...

Вдруг шимпанзе понял, куда надо идти. Он закричал, замахал мне руками – иди сюда, типа... Ладно, я встал и пошел. Жаконя углубился в лес еще метров на тридцать, и мы с ним вышли на небольшую поляну.

Здесь не так давно полыхал жаркий костер. Трава была выжжена до самой земли, зеленоватая кора у двух-трех деревьев пестрела темными пятнами ожогов. В одном месте красно-серый грунт был словно бы немного вспахан – как будто сначала копали, потом засыпали.

Жаконя остановился на этом месте, присел на корточки и жутким голосом завыл. Потом подбежал ко мне, и характерными жестами потребовал, чтобы я приступил к раскопкам.

Вот еще новости! Какого черта? Зачем?

Но я уже начал понимать, что эта обезьяна просто так ничего не делает. Значит, предполагает, что если я раскопаю эту яму, то увижу нечто весьма нужное. Так?

Или не так, не знаю. Но идти было недалеко, я сходил в гараж и вернулся с лопатой.

Яма, сначала кем-то выкопанная, а потом засыпанная, оказалась неглубокой. Не прошло и десяти минут, как лопата ткнулась в нечто странное – черное, довольно жесткое, слегка рассыпчатое и воняющее горелой органикой. Еще пяток минут работы лопатой – и я увидел скрюченную фигуру почти целиком – сожженного человека.

Жаконя был в совершенном ужасе. Про меня и говорить нечего. Когда первый шок прошел, стало ясно, что мертвец в яме не один. Мне совсем не хотелось их считать, но обезьяна настаивала.

Я с трудом выдержал еще полчаса этой кошмарной работы. Но зато убедил себя и шимпанзе, что в яме схоронили троих. Обезьяна жалобно выла, показывая на трупы, и изображала звук двигателя и выстрелы. Но мне ничего более не оставалось делать, как засыпать обгорелые останки землей. Что же тут произошло, черт возьми?

Если один из сгоревших бедолаг – приятель Жакони и водитель джипа, то становится ясно – эти ребята были получателями нашего груза и вообще охраняли этот аэродром. Пока в один прекрасный день на них не напали полтора десятка черных головорезов, тех самых, что чуть позже решили захватить наш самолет.

Подозреваю, что охранники-кладовщики умерли не слишком простой смертью – ведь для кого-то же был состряпан тот агрегат в гараже! И так, одни джентльмены удачи допросили других с помощью электричества или чего-то еще, а затем увели в лес... Где убили, а трупы сожгли и потом закопали... И ладно, если именно так – сначала убили... Кстати, вот и еще одна канистра! Конечно, тела надо было облить соляркой, иначе погребальный костер мог бы не разгореться как надо... Но из-за того, что все топливо ушло на кремацию, мне придется-таки топтать за соляркой по лесу.

Я с сомнением взвесил в руке канистру. Нет, обе я с собой не возьму – бессмысленно. Дай бог упереть на себе обратно одну.

И я попер. Первая сотня шагов далась мне почти шутя, на второй тысяче я начал то и дело присаживаться, а когда между деревьями появились очертания тракторов, то я буквально рухнул на траву. Сил уже почти не было. Как же я пойду обратно с *полной* канистрой?

Жаконя, казалось, понимал мое состояние. Он сочувственно гугукал, прыгая вокруг – похоже, обезьяне невдомек, что такое усталость.

Бананы я уже есть не мог. И вообще, чувствовал себя отвратительно – в голове стучало, в животе бурлило, да и озноб неприятный то и дело появлялся откуда-то. Не подцепил ли малярию или чего похуже? – мелькнула тревожная мысль. Меня не раз кусали комары и какие-то мухи, вроде наших паутов. Не дай бог, те самые цеце... Конечно, меня перед обоими рейсами хорошо обкалывали всякими прививками от экзотических болячек, и даже как-то раз брали какие-то пробы тканей, а ну как в этой местности есть что-то особенное? Какая-нибудь эндемическая зараза, о которой в России и знать не знают?..

Жаконя притащил целый куст с орехами. Я погрыз. Потом взялся за фляжку. Вода была теплой и, несмотря на жажду, в горло текла с трудом. Черт, еще и горло распухло...

Я провел довольно паршивую ночь в знакомой кабине. Снились кошмары. Бросало то в жар, то в холод, но к утру более-менее отпустило. Пора было приниматься за работу. Вернее, за выживание.

Я попытался отвернуть нижнюю пробку бака гаечным ключом. Как же! Прижавела намертво. Обезьяна с интересом смотрела за моими потугами, потом запищала и куда-то смылась. Не прошло и минуты, как Жаконя прискакал обратно, таща обрезок стальной трубы. Где он только его нашел? Ай да интеллект!

Нарастив этой трубой ключ, я снова напряг силы. Раздался пронзительный металлический скрежет, пробка подалась, и в траву ударила струя грязного топлива. Чуть подождав, пока солярка не стала чистой, я поставил канистру. Сполоснул ее, и только после этого начал набирать горючее. Тара наполнилась быстро. Я закрыл канистру, завернул бак пробкой и попытался оттащить наполненную емкость. Здорово же я ослаб! Двадцать литров показали мне совершенно неподъемными. Как же я это поволоку?

Вопрос хороший. Придется облегчаться по максимуму. Я забрался в кабину трактора, поднял сиденье и спрятал туда магазины с патронами, три фляжки (одну пустую, две с водой) и бинокль. Оставил себе только автомат с одним рожком и одну фляжку. Да еще пластиковую бутылку с маслом, по запаху похожее на дизельное.

Но все равно нечего было и думать о том, чтобы тащить канистру в руках до аэродрома. Однако тщательные поиски не прошли впустую – я обнаружил в кабине бульдозера бухту плоского капронового троса, из которого нарезал лямок.

Теперь канистра почти удобно устроилась на спине, фляжки с водой и маслом – на поясе. Автомат я повесил на грудь, положил на него ободранные руки и, в сопровождении Жакони, зашагал по знакомому уже пути, убеждая себя в том, что я бодр, нахожусь в полном здравии, и что тридцать километров джунглей – это не более чем звук.

* * *

– «Среди подобных почти полностью оставленных населением районов Африки есть малоизвестная и сравнительно небольшая территория под названием Контвигия, некогда бывшая королевством, а впоследствии номинативно ставшая северной провинцией Анголы. Столица – Руздана, фактически единственный город в границах территории. Кроме Анголы, на Контвигию периодически заявляют претензии Конго либо Демократическая республика Конго (Заир), неважно при этом, кто находится у власти – левые или правые. В последнее время международное сообщество склоняется к тому, чтобы отнести Контвигию к Конго, как наиболее стабильной державе из сопредельных, однако эта идея, что вполне понятно, поддерживается далеко не всеми. На политических картах территория бывшего королевства обычно закрашивается тем же цветом, что и Ангола, чьи руководители традиционно рассматривали Контвигию как анклав, отделенный от страны устьем реки Конго и узкой полосой территории Демокра-

тической республики Конго (Заир). Формально Контвигия никем не признана как самостоятельное государство, независимость она не провозглашала, потому что сделать это просто некому. Государственных институтов в королевстве сейчас нет, все местное население – это остатки немногочисленных племен, относящихся к этническим группам овибунду, кимбунду и умбунду, чьих исконных вождей давно истребили, а о демократии представители упомянутых племен если и знают, то понаслышке. Белое население немногочисленно, однако во многом благодаря ему в Контвигии главным языком остается португальский, а культурные и религиозные традиции представляют собой причудливую смесь христианства и язычества. Основные занятия – сельское хозяйство, охота, рыболовство, а также ремесленничество».

Вот еще пишут: «Построенная еще колонизаторами Руздана стала приходить в упадок после того, как торговля рабами с Америкой сошла на нет, а окончательная разруха наступила с момента провозглашения Анголы независимым государством. Поскольку Руздана, в отличие от Луанды, никогда не имела развитой инфраструктуры, морской порт, бывший изначально градообразующим предприятием, потерял свое значение. Поскольку еще в начале девяностых годов три четверти населения Контвигии было заражено СПИДом (по данным ВОЗ), то не слишком удивителен тот факт, что к настоящему моменту никаких сообщений из этого района не поступает вообще. А учитывая, что Контвигия покрыта непроходимыми джунглями, то пока что не находилось желающих хоть как-то попытаться вновь освоить некогда более-менее заселенные земли. Однако, по непроверенным данным, в недрах могут быть различные полезные ископаемые».

И вот еще нашла: «Очередную вспышку насилия в Анголе ряд наблюдателей расценивает как ответ на попытки международных организаций положить конец статусу «ничьей земли» для Контвигии...» Это вот, значит, в какие края вы летаете? Где вспышки насилия и поголовный СПИД?

Татьяна сидела за экраном монитора и зачитывала вслух тексты, которые я попросил поискать в Интернете по слову «Руздана» – сам я, кажется, впервые услышал это название, когда Дэйв и Толя беседовали и оба при этом думали, что посторонние их не слышат... И ладно бы, просто читала, как я просил. Нет, она решила еще и прокомментировать полученную информацию.

Что касается меня, то подобные комментарии я уже давно научился пропускать мимо ушей. Сейчас я валялся на диване за спиной Тани, смотрел в потолок, и пытался понять, нравится мне моя новая работа, или нет... Что там она опять про опасности заговорила?

– ... То узбеки, то таджики, то американцы... Вот соберутся все те, кого ты в своей жизни за нос водил, мало не покажется. Вспомни, в каком виде ты с Севера вернулся! Или с Кавказа. Я уж не говорю про совершенно бессмысленную аферу на Курилах, где и меня чуть было не убили!

Господи, какой все-таки странный народ эти женщины! Ну возможно ли такое, чтобы азиаты-барахольщики смогли договориться с заокеанскими сектантами? Про Север и Кавказ я вообще не желаю вспоминать, и Таня отлично знает, почему, а уж что касается приключений на Дальнем Востоке, то ее туда насильно никто не тянул! Сама ведь приехала... Справедливости ради можно вспомнить, что не приедь *она* туда, вряд ли *я* вернулся бы домой, но справедливости ради можно и сказать, ради чего я ввязывался во все эти истории! Сама ведь отлично знает, что когда дома жрать нечего, еще и не такими делами займешься!.. Ну, конечно, насчет жрать – это я загнул, а вот за квартиру, чтоб набрать на ипотеку, бабки вынь да положи, за телевизор-холодильник – тоже... Да и чего, спрашивается, одно лишь материальное мусолить! Другое дело, что вроде бы ожидалось у нас прибавление (и никто не виноват, что надежды не оправдались), а я иногда подозреваю, что первый мой брак разлетелся еще и потому, что работал я тогда не на том месте и не за те деньги.

– Слушай, Татьяна, – сказал я. – Я от тебя уйду, наверное.

Таня замолчала, сидя вполоборота на стуле и глядя на меня ну очень неодобрительно.

– А, ты уже уходил... Все равно ведь вернешься, ты же как старый потасканный кот – думаешь, что еще гулять в состоянии, а на самом деле осознаешь, что на теплой печке валяться приятнее... Слушай, брось ты эту Африку. Заболеешь, не дай бог, какой гадостью... Да успокойся ты, я же не про СПИД!.. Или, вот еще недавно передавали – опять очередной российский самолет упал где-то там... Ага, литовский. Литовец ты мой. Шарикас. Сам же говоришь, у вас даже хозяин не литовец, а табасаранец какой-то.

– Таня! Есть варианты? – спросил я.

– Есть. Заболей, например. Только здесь и не по-настоящему.

– Это как?

– Ты что, в школе не учился?

– Ну не говори ерунды! Между прочим, завтра контрольный сбор, и от полета меня могут отстранить только если я руку или там шею себе сломаю... ОРЗ тут не поможет.

– Хорошо, – видно было, что Татьяна сдается. – А нельзя ли сделать так, чтобы этот полет у тебя был последним?

Уфф! Нет, ну что ты с этими бабами будешь делать!

– Я тебе сколько раз говорил! Нельзя, нельзя произносить слово «последний»! Только «крайний»! Особенно если скоро вылет.

– Ну, прости дуру... – Танька насупилась и, похоже, быстренько убедила себя в том, что обиделась. Черт знает, может быть, действительно есть смысл завязать с этими полетами, пока наш сундук не грохнулся где-нибудь в пустыне или джунглях? Вряд ли еще какие-то проблемы могут случиться с нашей компанией. Да и малярию теперь лечат... Ладно, можно подумать и об этом. Особенно если учесть, что мне совсем не нравится ни Курт, ни Майк... Я уж не говорю о боссе. Который – вот ведь, кстати, еще повод для расстройства – собрался нынче с нами в Африку собственноручно.

* * *

– Сколько? – переспросил Курт таким тоном, точно не мог поверить своим ушам.

– Я же русский язык тебе сказал: шесть тонн.

Тут заговорил и Дэйв:

– Роб, побойся бога. Для этих аэропланов шесть тонн – это критическая цифра. Я бы не рискнул загрузить больше пяти...

– Рассчитайте максимально возможный вес груза с точностью до килограмма. И поймите меня правильно: если я увезу в Южную Африку меньше, чем триста декалитров, мне вообще лучше и не затевать это дело.

– Я понимаю, что вы босс, и все уже решили, – не сдавался Дэйв. – Но, может быть, есть смысл обойтись обычным фрахтом, как те же украинцы работают. Мы теряем несколько десятков тысяч на бестолковых перелетах между Африкой и Азией...

– Деньги – это не ваше дело, Дэйв! – отрезал Кеженис.

Командир насупился. Я вспомнил, что будучи экспедитором, должен иметь какое-то представление о перевозимых грузах, и стал прикидывать на калькуляторе: триста декалитров – это почти точно 4286 бутылок, значит, надо упаковать... так... 358 коробок. Каждая из них весит... Где этот чертов тарифный справочник... шестнадцать с половиной кило. Ну и что мы тут имеем?..

– Роб, – позвал я, – у меня получается, что триста декалитров вытянут на пять тысяч девятьсот семь килограммов брутто.

Босс усмехнулся.

– Вот видите, даже до шести не дотягиваем...

– Нет, вы уж меня извините, – снова вмешался Курт. – А вы забыли о том, что кроме коммерческого груза у нас обычно находится, так сказать, дипломатический? Вроде взятки, нескольких канистр с питьевой водой и так далее?

– Сейчас обойдемся без взяток. Все уже оплачено, кроме одного момента.

– И у нас на одного человека больше! – не сдавался командир.

Я же сказал: рассчитать по грузу до последний килограмм! – рявкнул Кеженис. Как всегда, когда он кипятился, то начинал коверкать язык. Зато Курт не забыл русские проклятия, это мы услышали все.

– Боюсь, Фенглер, что мы с вами долго не проработаем, – вмиг смягчившимся тоном произнес Робертас. Немец пожал плечами.

Но меня удивляла позиция Майка. Уж кто другой, а он был просто обязан вставить реплику – ведь он же бортмеханик! Или Новинкас из тех, что боссу никогда не возражают, даже мысленно? Правда, специалист он на самом деле никакой...

И Майк действительно высказался:

– Шеф, учитывая последние измерения и результаты технического...

– Короче! – рявкнул Кеженис.

– Можно и короче. Опасности перегруза я не вижу. Если уменьшить массу хотя бы килограммов на двести. В противном случае, прежде чем сесть в самолет, я предлагаю всем написать завещание.

Дэйв выругался по-литовски. Эту энергичную фразу я уже слышал от него раза два в похожих ситуациях.

– Массу груза уменьшать невозможно. Жду дальнейших предложений.

– Можно выбросить эту богадельню из пассажирского отсека. Место только занимает, – предложил Толя, имея в виду странный столик из алюминия и кресло рядом с ним. Кстати, идея неплохая – килограммов сто сразу долой.

– Я мог бы возразить, но не буду, – неприятным голосом произнес Фенглер.

– Действительно, лучше не надо, – промурлыкал Кеженис. – Можете прятать ваши грешки в другом месте.

Речь шла о личном алкогольном запасе штурмана, который – и мы об этом знали – в полете обычно хранился как раз под алюминиевым столиком.

– Кстати, о грешках, – заметил Майк. – Вот и повод, чтобы не связываться с дипломатическим грузом.

– Значит, ни капли виски, – подытожил Роб. – Я согласен.

– Но это нам почти ничего не даст, – продолжил Майк. – Давайте не будем брать с собой воду. Я не верю, что Африка вся поголовно от жажды помирает.

– Ну, еще минус пятьдесят, – сказал я, поскольку питьевая вода была на моей совести. – А вот если сядем вынуждено посреди Сахары, что пить будем, пока спасателей дождемся?

– Вино будем пить! – отрезал Курт. – И в этом случае никакой босс, даже самый злобный, не в силах будет запретить нам это.

Члены экипажа закивали головами. Кеженис открыл было рот, но понял, что спорить глупо. Правда, тут влез Новинкас:

– Если только бутылки не разобьются...

– Если бутылки при посадке разобьются, – веско сказал Толя, – то и вино, скорее всего, пить будет некому.

Казалось бы, черный юмор, да еще накануне вылета, но обстановка вдруг неожиданно разрядилась. Кто-то даже весело хохотнул.

– Хорошо. Еще килограммов пятьдесят, и все будет в порядке, – произнес Дэйв.

– Может быть, есть смысл точнее отмерить запас топлива в баках? – спросил Кеженис. Тут даже я почувствовал, что это вопрос непрофессионала. Странно – уж босс авиакомпании не должен быть дилетантом...

– Это не самая лучшая идея, уж извините, шеф, – произнес Майк. – В любом случае по мере взлета сразу придется выработать килограммов двести. А учитывая обстоятельства, даже больше. В общем, топливо не трогайте. Оно само по себе, груз – тоже сам по себе... Послушайте, а так ли вам нужно сейчас лететь? Как раз минус один человек, и полет точно будет не более опасным, чем всегда.

– Это мое решение, и оно обсуждению не подлежит, – жестко произнес Кеженис. К тому же мне предстоит личные переговоры, и никому из вас я это не смогу передоверить.

– Ebony... and ivory¹, – тихонько стал напевать Курт. Я не понимал – специально он злит хозяина, что ли?

– Тогда может быть, дадим отдохнуть кому-нибудь из экипажа? – вновь подал голос бортмеханик. – Господин Фенглер запросто мог бы полететь правым пилотом.

– Я точно знаю, кому из экипажа можно отдохнуть, – произнес Курт, глядя на Майка. – Может быть, даже нужно.

– Давайте без намеков, друзья, – воскликнул Роб. – Без бортмеханика и второго пилота мы не полетим, это однозначно... Значит, остается...

И все посмотрели на меня. А я, если честно, даже и не расстроился. Может, и впрямь не судьба?

– Босс, вы приняли соломоново решение, – сказал Курт, и я отчетливо понял, что на этот раз он говорил искренне, без малейшей издевки.

– Нет, и это не дело, – проворчал Кеженис. – У Маскаева тоже будет несколько деликатных встреч, и потом, Андрею придется сопровождать груз не только по воздуху. Кроме него, это сделать некому.

– Не только по воздуху? – переспросил я. – Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

– Возможно, наша поездка сильно затянется, – произнес босс. – После выгрузки в Луанде груз надо будет отправить дальше морем... И вот тут-то, Андрей, вы будете как нельзя нужнее. Две-три недели в море вам покажутся хорошей сменой обстановки. Тем временем нам, вероятно, придется сделать два рейса в Европу и обратно. А у вас у единственного пока что нет Шенгенской визы. Это, кстати, безобразие, надо, чтобы вы по возвращении сделали ее себе...

– Ну, вроде все решается? Так? – спросил Майк.

– Вы знаете, по-моему, это впервые на моей памяти такое, чтобы все удачно складывалось, когда наш уважаемый шеф затевает нетривиальную работу, – кисло усмехнулся Дэйв.

– Не все решается, – возразил Курт. – А что, прикажете Андрею своим ходом из Новосибирска до Луанды добираться? Это ж сколько времени и денег надо?

Немцу меньше прочих хотелось видеть меня на борту, я это видел. Это видели остальные, и даже босс, по-моему, захотел слегка за меня вступить.

– Нет, – сказал Кеженис. – Андрею не придется своим ходом весь путь проходить. У меня есть отличный план.

* * *

В Тбилиси нас встретили два амбала с внешностью горских разбойников. Оба неплохо говорили по-русски, со своим характерным акцентом, канэчно...

– Кто поедет? – спросил один из этой парочки, высокий, коротко стриженный и с усами, как у Буденного.

¹ «Черное дерево и слоновая кость», – слова известной песни П. Маккартни

– Я уже еду, – сообщил я.

– Садись, дорогой, – пригласил меня второй тип, распахивая дверцу новенького «Ауди». Этот был пониже и пошире, без усов, но с золотыми зубами и в плоской кепке. Натуральные бандиты, чтоб мне провалиться!

Но надеюсь, что в данный момент эти двое выступают в роли честных бизнесменов, я сел на заднее сиденье, куда меня и приглашали. Золотозубый плюхнулся за руль, усатый расположился рядом с водителем, и машина двинулась в западном направлении. Позади осталось совершенно безликое, на мой взгляд, здание аэровокзала. Говорят, старый аэропорт в Тбилиси очень красив... Но увидеть мне его так и не довелось.

Впрочем, столицу независимой Грузии я тоже не увидел. Не прошло и пятнадцати минут, как машина свернула с шоссе и, миновав развязку, поехала по трассе, окружающей город, если верить указателям. Полчаса хорошей дороги, затем еще полчаса прыжков по кочкам и канавам старой бетонки – и мы остановились возле ржавых металлических ворот в бетонном заборе. Забор был увенчан несколькими нитями колючей проволоки на изоляторах, кое-где порванной и спутанной. Скорее всего, напряжения там уже давно никакого нет, зато две камеры наблюдения, возможно даже, исправные, я заметил сразу.

Усатый вынул мобильный телефон и протарахтел в него энергичную фразу. Затем перешел в режим ожидания. Поскольку ожидание затянулось, оба типа принялись беседовать. Разговаривали они, естественно, на родном языке и при этом очень громко. Вы наверное не раз видели такую картину: едете, например в автобусе в вашем городе где-нибудь в центре России, и вдруг вваливаются несколько азиатов, цыганок или, к примеру, китайцев и начинают громко галдеть по-своему, резонно полагая, что никто их тут не понимает. Очень приятно, ага?

Из дверей КПП высунулся еще один разбойник – с заспанной рожей и в спортивном костюме. Непринужденно почесав чуть ниже живота, он скрылся за той же дверью, а потом заработал механизм, открывающий гремящие стальные ворота. Ворота были старые, но недавно покрашенные суриком, сквозь который просвечивала большая пятиконечная звезда.

Территория складской базы сразу что-то мне напомнила, да так, словно я вернулся на несколько лет назад в прошлое. И долго даже гадать не пришлось – когда-то, наверное, большинство войсковых частей Советской Армии обустроивалось по единому принципу – «все должно быть однообразно подстрижено, покрашено и посыпано песком»... Шутки шутками, но я готов был поклясться, что вон там – два здания солдатских казарм, направо – столовая и всякий обоз, а уж плац, с одной стороны к которому примыкает штаб, а с другой – клуб, ни один бывший военный служащий ни с чем не спутает.

Однако сейчас по брусчатке плаца не печатали шаг солдаты. Новые хозяева устроили тут стоянку самой разнообразной техники, преимущественно большегрузной – от новеньких «Сканий» до ржавых, разваливающихся «Уралов», тоже, наверное, доставшихся грузинам в наследство от российских военных.

Наш склад находился где-то на отшибе базы. Он был огорожен двумя рядами колючей проволоки, между которыми когда-то ходили караульные. Сейчас караульных я не заметил, да и колючка поизносилась, однако ворота в заборе оказались запертыми и в относительно исправном виде.

Началась рутина. Счет, платежка, накладная, счет-фактура, разрешение на вывоз, опись, таможенная декларация... Муть еще та. Наконец дело дошло до погрузки. Вино было упаковано в тридцать деревянных ящиков довольно крупных размеров – по двенадцать коробок с вином в каждом согласно сопроводительным документам, а в коробке, как водится, двенадцать бутылок емкостью ноль запятая семь... Упитья можно!

– Эх! М-м! Слушай, дорогой, вот ведь кому-то повезет, же! – то и дело восклицал один из грузин-«разбойников». – Настоящий «Хванчкара», такой сейчас только по специальной заявке отгружают!.. Нет, дорогой, погоди вскрывать ящик, сначала мы обязательно выпьем, потом

вскроем... Да и зачем его вскрывать, слушай, да! Вот заводской пломба, вот русским языком написано: «Самое лучшее вино в мире»!

На плотно подогнанной евровагонке изгибалась сделанная по трафарету надпись: «Genuine Georgian Wine». Над ней была набита виноградная кисть. Мне это не очень нравилось. Я отлично понимал, что все это – чистой воды контрабанда, и так явно разрисовывать ее по меньшей мере глупо. Да и сама деревянная тара – тоже не самый остроумный ход, приведший в конце концов только к увеличению веса брутто. Курт и Майк здорово бранились по этому поводу.

Я так и не сумел настоять на вскрытии всех ящиков. В процессе насильственного влития вина (и притом превосходного) в мою глотку мне удалось добиться вскрытия только одной тары. Там действительно были коробки с «Хванчкарой». На остальные я махнул рукой, тем более, что погрузчик уже ставил их в кузов грузовика.

Я решил, что если с этими грузинами вести деловые разговоры на складском уровне бессмысленно, то надо будет проверить ящики в момент погрузки на самолет, а лучше сразу перед ним.

Дальше пошло как-то странно. Во-первых, водитель длинномерного «ЗИЛа» изображал из себя глухонемого дебила, и судя по его дальнейшему поведению я даже заподозрил, что это примерно так и есть. При этом, когда шофер поднимался в кабину, я заметил, что его куртка слегка оттопыривается в том месте, где бандюки обычно носят пистолеты, а такие нюансы меня жизнь уже научила примечать. А вооруженный молчун-дебил – далеко не самый приятный водитель.

Да и путь до аэропорта неблизкий. Шофер очень напряженно себя вел, когда мы проезжали мимо мобильных блок-постов – боевых машин с бойцами национальной гвардии, которых хватало близ шоссе. Но с другой стороны, мне-то чего бояться? Ведь документы на груз в порядке! Или нет? А ведь если что-то не так, крайним действительно окажусь я. Кто захочет искать невесть где находящегося грузополучателя и неизвестно какого грузоотправителя? Тем более, что экспедитор не умеет писать объяснительные на грузинском языке.

Однако все прошло на удивление гладко. Дважды машина попадала в небольшие пробки у перекрестков, но вдруг откуда-то выныривала легковушка с синим маячком, оттуда вылезал автоинспектор с жезлом, и принимался разруливать ситуацию. При этом, к моему удивлению, преимущество всегда получала полоса движения, по которой ехал наш грузовик. Не думаю, что дело было именно в нем, но подобная предупредительность вызывала некоторое недоумение.

Наш транспорт у КПП летного поля вопреки ожиданию, встретил не шеф и даже не командир, а Толя. По его словам, босс «утрясает» неожиданно возникшие проблемы с оплатой горючего, но на КПП давно уже все «схвачено», и можно было проезжать. Я действительно собирался проверить ящики в момент погрузки на самолет, а лучше сразу перед ним. Но и тут я как экспедитор был почему-то не допущен к своим обязанностям. Вначале неприятный шофер, едва ли не впервые подав голос, заорал, что у него нет ни минуты лишнего времени, и чтобы я, если имею такое желание, проверял ящики после передачи. Автопогрузчик и таке-лажники уже ждали возле самолета с настезь распахнутым грузовым люком.

«ЗИЛ» уехал. И тут же появился Кеженис. Кстати, на этот раз именно он не дал мне возможности изучить, насколько правильное вино доставлено на борт. Босс вручил мне выправленный на мое имя билет на самолет местной компании «Аирзена» рейсом до Каира, а также бумажку с телефонным номером некоего белого нигерийца, и заявил, что с грузом до моего прибытия справится сам. Регистрация на мой рейс начиналась через считанные минуты. Таким образом я в один момент превратился из авиатора в пассажира, и не могу сказать, что это мне сильно понравилось.

Да и обиделся я слегка на господина Кежениса.

Глава седьмая

Рукоятка неожиданно легко провернула вал двигателя. Гелендвагену, по моим прикидкам, уже стукнуло сорок лет, и перед его прежним владельцем можно было снять шляпу хотя бы за то, что техническое состояние машины тянуло на твердую «четверку» по пятибалльной системе. Масло немного подтекало, но системы охлаждения и питания были в отличном виде. Все было готово к пробному запуску.

– Ну, что, Жаконя, – обратился я к обезьяне. – Попробуем запустить?

Жаконя что-то заверещал, скаля зубы. Возможно, он был не против подобной попытки. Но все же почему-то побаивался этой машины. Он, правда, побаивался и оружия. Наверное, интересные эпизоды приходилось наблюдать этому шимпанзе...

Я нагнулся, схватился за «кривой стартер» как можно удобнее, и как следует рванул. Конечно, даже такой оптимист, как я, вряд ли может рассчитывать на то, что двигатель схватится с первого же раза... Или даже со второго. Но десять раз подряд я не смог прокрутить рукоятку, и буквально упал рядом с бампером, хватая воздух. Лихорадка, даже самая легкая, всегда отнимает силу, а я ведь еще пер на себе канистру черт знает сколько времени...

Но рано или поздно, а отдышаться я смог. А что делать? Я уже устал себе повторять, что если сейчас все бросить и оставить дела на милость господ, то скоро мою шкуру будут проверять на прочность трезубцами черти. Надо продолжать. Все равно заведется – ведь исправен же!

И я в этом убедился. Примерно через полчаса, когда в очередной раз упал на пыльный грунтовый пол гаража. Старый германский дизель понял, что я – куда более упрямое создание, чем он сам, и согласился немного поработать. Жаконя, услышав звук работающего двигателя, заметался. С одной стороны, ему очень хотелось удрать, с другой – видимо, он понимал, что нам предстоит совместное путешествие. И именно на этой машине, какие бы воспоминания она ни будила в обезьяньем мозгу.

Руки у меня тряслись, когда я включал передачу и отпускал сцепление. Но ничего неприятного не случилось – «Мерседес» выкатился из гаража и сделал полукруг по летному полю; при этом я старался смотреть куда угодно, только не в сторону пиршества падальщиков, хотя там, по-моему, уже все было съедено. Машина слушалась. Все передачи работали, педали не западали, правда, руль оказался с большим люфтом, но это уже казалось мелочью. Я даже поорал на радостях немного, думаю, хорошо, что Жаконя не понимает по-русски.

Вот теперь задерживаться здесь уже точно не было ни малейшего смысла. Я собрал все ценное, что только нашел в гараже, включая гаечные ключи, домкрат, лебедку и лопату. И, поскольку сейчас был оснащен гораздо основательнее, решил посетить сарай, более похожий на склад.

Теперь дверь подалась легко – я прицепил один конец троса за замок, другой – за фаркоп машины и включил первую пониженную... Жаконя при виде вылетающих наружу дверей от возбуждения дважды перекувыркнулся через голову.

Внутри склада я увидел несколько десятков ящиков из хорошо обработанных досок. Ящики были украшены спецсимволом в виде рюмки и изображением стилизованной виноградной кисти. Под рисунками полукругом изгибалась надпись: «Genuine Georgian Wine».

Я не верил своим глазам. Ведь эти ящики сейчас должны плыть в Кейптаун! Что же они здесь делают? Или господин Кеженис уже давно водит меня за нос? Да и не только меня, а остальных членов экипажа тоже? И вообще, а действительно ли внутри «настоящее грузинское вино»?

Я вскрыл монтировкой один из ящиков и сразу же понял, что жажду этим не утолить. Вместо благородного виноградного алкоголя в ящике находились плотно уложенные прямо-

угольные бруски, упакованные в жесткий вощенный картон. Вытащив один из них, довольно увесистый, я развернул упаковку. Там обнаружилась некая желтоватая масса, довольно податливая, вроде оконной замазки или пластилина. Что-то мне, однако, подсказывало – вряд ли даже такой бизнесмен как Кеженис, полагает, что в Африке на зиму замазывают окна. Да и дети здесь наверняка не лепят игрушки из грузинского пластилина...

В другом ящике, я увидел частично разобранный и аккуратно уложенный ручной пулемет системы Калашникова. И к тому же не один. Да, похоже, здесь действительно целый склад игрушек. Для взрослых. И при этом, черт возьми, для очень взрослых людей...

Вместе с оружием здесь лежала непонятного назначения полуметровая палка из очень плотного и тяжелого дерева, украшенная странными веревочками, с которых сыпалась труха, и инкрустированная блестящими камешками, наверное, самоцветами. С одной стороны палку венчало бронзовое кольцо с перекрестьем, удивительно похожее на классический кельтский крест, с другой – торчал бронзовый же шип длиной сантиметров пятнадцать. В своем основании оно имело четыре грани, каждая примерно по сантиметру с небольшим. Что это? На боевое оружие как-то не слишком похоже. Метать – неудобно, резать – вообще невозможно. Колоть и то замучаешься – коротковата эта штука для пики. Может, это какая-нибудь ритуальная приبلуда местных жрецов?

Вот только интересно – это каким же образом грузины смогли подсунуть мне для проверки ящик с правильным вином? Единственно возможный ответ был таким – прежде чем заняться торговлей старым советским оружием, кавказские разбойники долго практиковались в известной игре в наперсток. «Угадай, дорогой, под какой каской граната?»

Я долго – минут пять – думал, есть ли смысл немного облегчить ящики, за которые не так давно сам нес материальную ответственность. Наконец решил взять несколько брикетов пластиковой взрывчатки (не будучи абсолютно уверенным, что это именно она), забрал два автомата, одну винтовку системы Драгунова и один пулемет. Долго разгребал ящики в поисках патронов, и поиски в конце концов увенчались успехом – четыре цинковых коробки с патронами калибра 7,62 скоро тоже оказались в багажнике. Прихватил и странный жезл – на всякий пожарный.

В любом случае, думал я, закрывая багажник, если попадусь в лапы местным боевикам, мне будет почти стопроцентный каюк. Причем без разницы, с ворованным оружием или без. А если повезет выбраться к цивилизации, то я всегда успею избавиться от лишних килограммов металла и пластика... Должен успеть. Зато в случае чего, я вполне готов объявить войну небольшому отряду каких-нибудь недоумков.

Приглашающе помахав Жаконе, я включил первую передачу и осторожно углубился в лес, двигаясь по едва заметной просеке со скоростью пешего туриста, сытого и здорового.

Дорога оказалась на удивление выматывающей. Увидев знакомый силуэт бульдозера, я остановил машину – не чувствовал больше сил вести ее по заросшей, кочковатой просеке. В глазах было темно, мутило страшно. Сколько еще ехать – пес знает.

Жаконя словно чувствовал мое состояние – он лопотал что-то ободряющее, даже погладил меня по плечу – наши, мол, не сдаются... И верно, чего уж тут сдаваться – я ведь на колесах, и с неплохим запасом горючего. И на ночевку есть где расположиться – в знакомой кабине, естественно. Беда только, что жрать нечего, но при мысли о еде и так становится плохо, так что ничего страшного. И вообще, некоторые врачи рекомендуют голодать при высокой температуре – по моим прикидкам, градусов тридцать восемь как минимум я имел, и к ночи были все основания ожидать подъема.

Несмотря на протесты Жакони, в кабину трелевочного трактора я влез в одиночестве. Дружба-дружкой, а ночлег врозь. Кто ее знает, эту обезьяну – вроде добрая и отзывчивая, а вдруг что в башке щелкнет? Или помру я ночью – так что же: и мартышке помирать? Вдруг она не сможет открыть кабину изнутри?..

Но увидеть новый день мне довелось, а это значило как минимум то, что ночью я не умер. Состояние, правда, было не хуже и не лучше, чем обычно, но, по крайней мере, озноб отступил, значит, температура приблизилась к нормальной.

Скрипя зубами от боли в ногах, я вывалился из кабины и некоторое время просто стоял, прислонившись к борту машины – здорово же я притомился во время сна, раз отдых потребовался! А ведь еще машину заводить...

Вспомнил, и опять стало плохо. Захотелось пить, но воду глотать было по-прежнему тяжело. Хорошо, хоть пока зубы не стучат о горлышко... Жаконя неприветливо скалился, глядя на меня – наверное, затаил обиду, что я не взял его с собой в кабину на ночь.

Именно с запуска двигателя я и начал новый день в Африке. Боялся, что если займусь еще чем-нибудь, то подрастеряю последние силы. К счастью, ручку пришлось проворачивать всего дважды, так что я уже стал почти искренне верующим. Осталось заняться «еще чем-нибудь». Я собрал свой скарб, состоящий из пары драгоценных фляжек с водой, бинокля, ножа, небольшого запаса патронов... Позаботился о запасе горючего для гелендвагена – его двигатель оказался довольно прожорливым созданием. Наполнил под завязку оба бака и обе канистры. Поскольку больше никакой толковой тары под солярку не обнаружилось, я скрутил с бульдозера и трелевочника бензиновые баки от пускателей и тоже заполнил их соляркой. И на этом пришлось закончить, к тому же горючее и в большом баке иссякло. Оставалось надеяться, что мне хватит топлива до цивилизации. В нее мне уже с трудом верилось. Я периодически ощущал себя последним оставшимся в живых человеком на всей планете, и только природное упрямство, наверное, заставило меня снова вцепиться в руль и вдавить в пол педаль газа, чтобы поскакать дальше по проклятой просеке. Которая, как ни странно, километр от километра становилась все шире и ровнее.

Жаконя смирно сидел на переднем сиденье, лишь иногда на что-то показывая пальцем и комментируя. По сторонам я не смотрел – дорога все равно была та еще, и мне приходилось внимательно глядеть, чтобы не ухнуть в какую-нибудь особенно глубокую яму, а трава, также как и листва деревьев с кустарниками сливалась в тошнотворные зеленые полосы по всем четырем сторонам от меня. Словом, я не обращал внимания на жесты шимпанзе. Пока что он не сильно волновался, да и меня не сильно беспокоил.

Спидометр машины был отградуирован на привычные километры в час, а не мили. Он работал, и стрелка дрожала около тридцати, а порой и сорока. Счетчик километража тоже работал. Между аэродромом и стоянкой брошенной техники оказалось тридцать шесть километров, а от нее я за день отмахал почти двести в сторону запада. Но с каждым километром силы падали, иногда руки просто сваливались с баранки, а нога то и дело сама по себе теряла педаль газа. В глазах темнело, падающее к горизонту солнце слепило все сильнее. Я уже почти не следил за дорогой, и тем более мне было не до поведения обезьяны, потому я не сразу понял, кто и почему дергает меня за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.